

ЗВЕЗДЫ
НАУЧНОЙ
ФАНТАСТИКИ

18+

ЙЕН МАКДОНАЛД

ВОССТАВШАЯ
ЛУНА

Звезды научной фантастики

Йен Макдональд

Восставшая Луна

«Издательство АСТ»

2019

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)

Макдональд Й.

Восставшая Луна / Й. Макдональд — «Издательство АСТ»,
2019 — (Звезды научной фантастики)

ISBN 978-5-17-118576-3

Пять Драконов – пять семейных кланов, контролирующих ведущие промышленные компании Луны, – ведут между собой настоящую войну. Соперники не гнушаются ничем, чтобы проложить себе путь на самый верх пищевой цепочки – ни браками по расчету, ни корпоративным шпионажем, ни похищениями людей, ни массовыми убийствами. Теперь эта битва подошла к концу, и тот, кто, казалось, потерял все, кто поднялся из руин корпоративного разгрома, захватил контроль над Луной благодаря изощренным манипуляциям и невероятной силе воли. Но война никогда не заканчивается, и теперь против победителя выступает его родная сестра. Вот только мир вокруг не стоит на месте, Луна и Земля никогда не будут прежними, неумолимые силы истории придадут бесконечной борьбе за власть совершенно иной масштаб, а человечество уже готово двигаться дальше – за пределы Солнечной системы.

УДК 821.111

ББК 84(4Вел)

ISBN 978-5-17-118576-3

© Макдональд Й., 2019

© Издательство АСТ, 2019

Содержание

4	5
Что случилось ранее	6
Глава первая	8
Глава вторая	19
Глава третья	26
Глава четвертая	39
Глава пятая	44
Глава шестая	54
Глава седьмая	65
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Йен Макдональд Восставшая Луна

4

Ian McDonald
LUNA: MOON RISING

First published in 2019 by Gollancz London

Печатается с разрешения издательства Orion при содействии литературного агентства
Синописис

Перевод с английского: *Наталья Осояну*

В оформлении обложки использована иллюстрация *Михаила Емельянова*
Дизайн обложки: *Марина Акинина*

Copyright © 2017 by Ian McDonald
All rights reserved.

© Наталья Осояну, перевод, 2020
© Михаил Емельянов, иллюстрация, 2020
© ООО «Издательство АСТ», 2020

Что случилось ранее

Война между «Маккензи Металз» и «Корта Элиу» разрушила могущественную семью Корта и рассеяла выживших. Ариэль Корта, парализованная ниже пояса после покушения на убийство, скрывается в неизвестности в Верхнем городе Меридиана со своей телохранительницей и верной подругой, Мариной Кальцаге, пока Джонатон Кайод, Орел Луны, не призывает ее обратно в лунное общество, предлагая стать единственной советницей в сонме врагов, замысливающих свергнуть Кайода. Вагнер Корта, волк, с трудом зарабатывает на жизнь, строя солнечный пояс компании «Тайян» – кольцо солнечных батарей по всему экватору Луны. Он то трудится вместе с членами своей бригады, то встречается с волчьей стаей, пока ему не придется взять на себя опеку и защиту Робсона Корты, которого держал в заложниках Брайс Маккензи, финансовый директор «Маккензи Металз». Вагнер вынужден делать выбор между волчьей природой и заботой об уязвимом Робсоне. Лукасинью и Луна Корта – в безопасности под защитой Асамоа в Тве, хоть Лукасинью и сердится из-за ограничения свободы. Его отец – Лукас – сделал самый смелый шаг из возможных. На Луне считают, что он умер, а на самом деле Лукас бежал на борт циклера ВТО и в течение года превратил себя в невероятное существо: человека, рожденного на Луне, но способного жить под воздействием земной силы тяжести. Недолго, но достаточно, чтобы укрепить сделки, которые он заключал, странствуя между Луной и Землей. Лукас формирует консорциум земных правительств, корпораций, капитальных фондов и с помощью Воронцовых и их электромагнитной катапульты в качестве смертоносного космического орудия стремится вернуть то, что было украдено у его семьи. Вместе с ним прилетает Алексия – первая за два поколения Корта, рожденная на Земле, отважившаяся бросить вызов блистательной и ужасной Луне.

Чтобы добиться успеха, Лукас сперва должен посеять смятение. Его мать Адриана, основательница «Корта Элиу», внедрила боевую программу в систему управления «Горнилом» – огромным поездом-плавильней Маккензи. Простая команда, отданная Алексией после того, как Лукас едва не умирает во время взлета с Земли, уничтожает «Горнило». Погибают многие, включая Роберта Маккензи, генерального директора «Маккензи Металз». Его сыновья, Дункан и Брайс, сражаются за контроль над компанией. Дункан берет на себя традиционную очистку металлов, Брайс – добычу гелия-3, отнятую у семьи Корта. Их жестокая гражданская война угрожает поглотить всю Луну и дестабилизировать жизненно важный рынок гелия-3, от которого зависит Земля. Лукас не упускает свой шанс и наносит удар. Луна – промышленная колония, а не государство; у нее нет систем защиты. Боевые подразделения десантируются с орбиты, штурмуют и занимают ключевые объекты инфраструктуры, а электромагнитная катапульта ВТО угрожает видимой стороне Луны. Драконы отбиваются, но, когда Тве, главный поставщик сельскохозяйственной продукции, оказывается в осаде, у них не остается другого выбора, кроме как сдаться перед лицом голода.

В воцарившемся хаосе Лукасинью и Луне удастся бежать из осажденного Тве, но они оказываются в одиночестве на поверхности, и единственный путь к спасению лежит в опасной близости от полей сражений. Когда нарушается герметичность скафандра Луны, Лукасинью отдает ей последний воздух. Она приносит его в безопасное место, но сможет ли лунный бегун так долго прожить без кислорода?

Земные машины и наемники захватывают Меридиан. Джонатона Кайода выбрасывают из окна, а Лукас Корта, похожий на собственную тень, покалеченный путешествием на Землю, становится Орлом Луны с Алексией в качестве Железной Руки. Его первая задача – привлечь Ариэль на свою сторону, но она отказывается, хотя это и повергает ее в большую опасность. Каждый из четырех Драконов жаждет получить преимущество, и Корта выглядят предпочтительными заложниками. Брайс Маккензи пытается захватить Робсона Корту, но безуспешно:

Вагнер и Робсон спасаются, бежав в относительно безопасный городок Теофил в Море Спокойствия.

Лукас Корга торжествует. Луна принадлежит ему: что он будет с ней делать?

Глава первая

Восемь фигур сопровождают гроб через Море Изобилия. Четыре его несут по одной на каждую ручку; четыре охраняют стороны света: север, юг, восток и запад. Одеты в тяжелые бронированные скафандры, они ступают тяжело. Из-под подошв их ботинок высоко поднимается пыль. Когда несешь гроб, координация движений важнее всего, а носильщики не владеют нужным ритмом. Они шатаются, дергаются, оставляют на реголите размытые, нечеткие следы; шагают так, словно не привыкли передвигаться по поверхности Луны и носить такие скафандры. Семь белых и один – алый с золотом. На каждом белом – эмблема, словно принадлежащая другому времени и месту: меч, топор, веер, зеркало, лук, полумесяц. Ведущий идет, опираясь на свернутый зонт с серебряным наконечником и рукоятку в виде человеческого лица, у которого одна половина живая, другая – голая кость. Наконечник зонта втыкается в реголит, оставляя четкие дырочки.

Море Изобилия не знает, что такое дождь.

В гробу есть иллюминатор. Это странно; впрочем, то, что они несут, на самом деле не гроб. Это медицинская капсула жизнеобеспечения, предназначенная для защиты и сохранения раненых на поверхности Луны. За окошком виднеется лицо молодого человека: смуглое, с высокими сильными скулами, густыми черными волосами, полными губами. Его глаза закрыты. Это Лукасинью Корта. Он в коме уже десять дней; десять дней, заставивших Луну содрогнуться до самого ядра и загудеть, будто каменный колокол. Десять дней, на протяжении которых Орлы падали и возносились, посреди каменных океанов кто-то сражался в «мягкой войне» и терпел поражение, а старый порядок Луны был сметен новым порядком Земли.

Эти неуклюжие фигуры – сестры Владык Сего Часа, и они несут Лукасинью Кортю в Меридиан. Семь сестер и еще кое-кто; она идет позади в неуместном ало-золотом скафандре. Луна Корта.

– Есть новости о корабле?

Майн-ди-санту Одунладе досадливо цокает языком и рассматривает метки на дисплее шлема, пытаясь определить, кто задал вопрос. Сестринство Владык Сего Часа, согласно своему учению, избегает сети. Научиться использовать интерфейс скафандра – серьезное отступление от правил. В конце концов майн-ди-санту определяет, что с ней заговорила мадрина Элис.

– Скоро, – говорит майн Одунладе и зонтиком указывает на восточный горизонт, где приземлится корабль из Меридиана.

Зонтик – эмблема Ошалы Созидателя. Как меч, топор, зеркало, лук, веер и полумесяц, он представляет собой инструмент ориша. Сестры несут не только спящего принца, но и священные символы. Все сантиньос понимают, что это значит. Жуан-ди-Деус – больше не город святых.

«Корабль на подходе», – сообщает скафандр майн. В тот же миг горизонт словно подпрыгивает к небу. Роверы. Их десятки. Быстрые, неумолимые – мчатся навстречу. На внутренних дисплеях шлемов вспыхивают сотни красных меток.

Маккензи прибыли.

– Будьте тверды, сестры мои! – кричит майн Одунладе. Кортеж марширует вперед, к линии сияющих фар. Огни слепят, но она не поднимает руки, чтобы прикрыть глаза.

«Майн, корабль намерен садиться», – говорит скафандр.

Из ряда окруживших их роверов выезжает один и разворачивается перед майн Одунладе. Она высоко вскидывает священный зонтик. Кортеж останавливается. Сиденья ровера опускаются, защитные перекладки поднимаются, фигуры в зелено-белых пов-скафах ¹ «Маккензи

¹ Пов-скаф – скафандр для работы на поверхности. Плотная прилегающая, герметичная оболочка, с шлемом, системой

Гелиум» прыгивают на реголит. Тянутся к чехлам на спине, вытаскивают длинные предметы. Винтовки.

– Это непозволительно, матушка.

Фамильярность возмущает майн Одунладе. Никакого уважения, могли бы и по-португальски заговорить. Она находит на внутреннем дисплее метку женщины, которая к ней обратилась.

– Ты кто такая?

– Я Лойса Дивинаграсия, – отвечает та, стоя в центре вооруженного отряда. – Глава службы безопасности «Маккензи Гелиум» в Северо-восточной лунной четверти.

– Этому молодому человеку требуется серьезная медицинская помощь.

– Для «Маккензи Гелиум» будет честью предложить услуги нашего полностью оборудованного медицинского центра.

«Шестьдесят секунд до приземления», – говорит скафандр. Корабль – самая яркая и быстрая звезда на небе.

– Я везу его к отцу, – говорит майн-ди-санту и делает шаг вперед.

– Я не могу этого допустить. – Лойса Дивинаграсия кладет ладонь на нагрудник майн Одунладе. Та отшвыривает руку женщины священным зонтиком и тотчас бьет ее по боковой стороне шлема. Какая наглость. Полимер трескается, изнутри вырываются струйки воздуха, затем скафандр исцеляет сам себя и запечатывает пролом.

Вновь прибывшие нацеливают оружие.

Сестры Владык Сего Часа окружают капсулу жизнеобеспечения. Меч Огуна обнажен, топор Шанго, лук и веер с острым как бритва краем – все готово. Разве можно почтить ориша, не пуская в дело их символы?

Луна Корта поднимает неуклюжие руки на уровень плеч. Ножны разблокируются, магниты включаются: ножи взлетают к ее ладоням и закрепляются там. Низко над западным краем мира светит Земля в первой четверти, и края клинков из метеоритного железа поблескивают: боевые ножи семейства Корта.

«Мы их берегли, – сказала майн Одунладе, озаренная светом биолампы в комнате Материнского дома, где лежал Лукасинью. – Пока не появится Корта – достаточно смелый, великодушный, лишенный алчности и трусости, который сразится за семью и отважно ее защитит. Корта, который достоин этих ножей».

Карлиньос был защитником семьи. До маленькой Луны ножи принадлежали ему. Однажды он показал племяннице несколько приемов, воспользовавшись вместо оружия палочками для еды. Он ее пугал – скоростью движений и тем, как превращался в нечто непостижимое.

Карлиньос погиб на острие этих самых клинков.

Мадринья Элис становится между девочкой и кольцом винтовок.

– Убери ножи, Луна.

– Не уберу, – отвечает девочка. – Я Корта, а Корта режут.

– Делай, что говорит твоя мадринья, своенравное дитя, – велит майн-ди-санту Одунладе. – Ты большая только из-за скафандра.

Луна отступает с угрюмым шипением, но не прячет свои красивые клинки.

– Пропустите нас, – говорит майн Одунладе по общему каналу, и Луна слышит ответ Маккензи:

– Отдайте нам Лукасинью Кортю – и вы свободны.

– Нет, – шепчет Луна, и ее, сестер, капсулу, рубак Маккензи заливают слепящий свет. Поток сияния разбивается на сотни отдельных огней: роверы, пылевые байки, навигационные фары бронированных скафандров и пов-скафов – все они мчатся по темному реголиту. Позади вновь прибывших вздымается огромное облако пыли, рождая в рассеянном земном свете лунные радуги. Они атакуют Маккензи, преградивших путь сестрам. В последний момент рубачи и стрелки бросаются прочь, когда их строй рассекает клин из роверов, байкеров и орды бегущих пылевиков.

С антенн и мачт, натянутых тросов и стоек, роверов, ранцев и наплечных креплений, шлемов и нагрудников смотрят нарисованные с помощью трафаретов, намалеванные краской из баллончика, распечатанные впопыхах, набросанные вакуумным маркером граффити: наполовину черные, наполовину белые лики Мадонны Тысячи Смертей, Доны Луны.

Жуан-ди-Деус восстал.

Клин пылевиков разворачивается в фалангу, ошестинившуюся пиками и копьями. Байкеры упираются длинными палками в боковые подножки. Когда Луна была совсем малышкой, в одной истории ей попался безумный обрывок из истории старой Земли: металлические люди верхом на больших металлических животных, с длинными копьями под мышками. «Рыцари в доспехах, – говорил Луне фамилляр, вспоминая вместе с ней. – Рыцари с копьями».

Над противостоящими друг другу армиями мерцают синие огни: маневровые двигатели корабля ВТО, который пролетает над строем Маккензи к безопасной посадочной площадке. Главный двигатель ненадолго включается напоследок, и уродливая мешанина топливных баков, радиаторных панелей и конструкционных опор начинает опускаться на реголит.

Рукавицы и перчатки сжимаются на древках копий. Пикинеры напрягаются. Пальцы хватаются за рычаги управления пылевых байков.

– Луна, – говорит мадрина Элис.

– Я готова, – отвечает Луна. Скафандр девочки заряжен, запасы энергии активированы. Достаточно одного слова – и он побежит, побежит быстрее, чем собственные ноги когда-либо смогли нести ее. Она знает все трюки, на какие способен типовой скафандр: использовала их, когда несла Лукасинью, пребывающего в состоянии аноксии² и по любым стандартам мертвого, в убежище Боа-Виста. – Я такое уже делала.

Пыль от садящегося лунного корабля поглощает саниньюс и Маккензи. Мадрина Элис кричит:

– Вперед, дитя!

«Беги», – приказывает девочка, но скафандр уже пришел в движение.

Как и Маккензи. Эффект неожиданности исчерпал себя: роверы отрываются от основного войска, чтобы обогнуть байкеров-кавалеристов саниньюс с флангов и отрезать путь к кораблю. Пехотинцы саниньюс бегут наперерез силам Маккензи, удерживая путь открытым.

Падает тело. Фигура в пов-скафе разворачивается и валится на реголит. Жесткий скафандр превращается в облако разлетающихся осколков. Маккензи стреляют. Чей-то шлем раскалывается. В кровавом месиве мелькает чья-то летящая голова; знамена Доны Луны падают одно за другим. Теперь девочка видит кровь, куски плоти, телесные жидкости, извергающиеся в вакуум.

Сестра Элоа, служительница Полумесца Йансы, падает рядом с Луной, и ее тело катится в сторону, кувыркаясь. У нее оторвана макушка. Вокруг девочки проносятся невидимые снаряды, но она не может о них думать – не может думать ни о чем, кроме лунного корабля, который стоит на посадочных опорах и выдвигает из транспортного модуля трап.

– Луна! – звучит на частном канале голос майн Одунладе. – Бери капсулу за правую сторону. Скафандр справится.

² Аноксия – отсутствие кислорода в организме. – Здесь и далее прим. перев.

– Майн...

– Элис возьмется слева.

– Майн...

– Не спорь со мной, дитя!

Ее бронированная рука цепляется за одну из ручек. Гироскопы распределяют вес. Она видит, как мадринья хватается за ручку на другой стороне.

Сантиниус атакуют Маккензи. Двое, десять, двадцать падают под безжалостным огнем, но есть еще копья, пики. Наступает черед рукопашного боя, близкого, интимного, страстного, как секс. Наконечники копий вонзаются глубоко, пробивают тела насквозь, рвут скафандры и кожу, ломают кости, разбивают визоры и протыкают лица, черепа, мозги.

– Что происходит? – спрашивает девочка мадринью Элис по частному каналу.

– Они выигрывают для нас время, анжину.

Фаланга копейщиков перестраивается, сходится, нацеливается на врага и бросается в атаку. Стрелки, дрогнув, отступают. В этот миг между стенами из пик Луна чувствует, как ее скафандр сжимает хватку на рукояти капсулы, в которой лежит кузен, наклоняется вперед и бросается к кораблю. Она взлетает по трапу на полной скорости и жестко тормозит, чтобы не врезаться в заднюю переборку транспортного модуля. Члены экипажа в пов-скафах хватают капсулу и закрепляют. Луна через тактильные датчики подошв ощущает вибрацию палубы.

«Главный двигатель включится через десять, девять, восемь...»

Она в последний раз бросает взгляд через закрывающиеся двери на оставшихся сестер Владык Сего Часа: белые скафандры спина к спине, священные символы ориша подняты высоко. Вокруг них – кольцо пик и дерзкие знамена Мадонны Тысячи Смертей. За ними – Маккензи, бесчисленные как звезды. Потом включается двигатель, и пыль покрывает все.

Майн-ди-санту Одунладе наблюдает, как лунный корабль поднимается из облака слепящей пыли на бриллианте ракетного сияния.

Меридиан их приютит. Меридиан их исцелит. Орел Луны возьмет их под свое крыло.

Сантиниус окружают сестер, держа пики и копья наготове. Столько раненых, столько погибших. Ужасное место для смерти.

Майн Одунладе находит иконку общего канала.

– Реголит выпил достаточно крови, – кричит она каждому пылевику и сантинию в Море Изобилия, каждому рубака и наемнику и Брайсу Маккензи, где бы он ни прятался.

Но строй стрелков Маккензи не отступает.

– Нет необходимости еще кому-то погибать здесь.

Два ровера стартуют от задней части окружения, ускоряясь с поразительной быстротой в погоне за лунным кораблем, который уже превратился в созвездие предупреждающих огней, удаляющееся на запад. В кузовах роверов разворачиваются механизмы: штуковины с несколькими стволами и лентами патронов. Боги и духи, до чего они быстры. Вот они уже на горизонте. Взмывают вымпелы из света, выискивая огни корабля ВТО. Майн-ди-санту Одунладе не знает, что видит, но понимает, что это значит. Если Брайс Маккензи не может заполучить Лукасинью Корту, его не получит никто. И она уясняет еще одну истину: не будет пощады никому, кто поднял руку и клинок во имя семейства Корты.

– Во имя Ошалы, света безупречного, вековечного, страх вселяющего, непоколебимого! – Майн-ди-санту вскидывает зонтик высоко над головой. Открывает. Оставшиеся сестры как одна поднимают свои священные знаки. Меч Огуна, веер Йеманжи, лук Ошосси, топор Шанго.

Начинается пальба.

Луна не может отцепить кулак от медицинской капсулы. Лукасинью свободен, Лукасинью в безопасности – теперь она должна отпустить его, но скафандр познал неведомую ей истину

и не разжимает хватку. Ох уж этот скафандр: кажется, она провела в нем целую вечность. Он ее защищал, направлял и помогал ей. А еще предал и подверг опасности.

Воспоминание: Лукасинью обматывает изолентой коленный сустав, где острая как бритва лунная пыль потихоньку резала складчатую ткань шаг за шагом, километр за километром, пока та не порвалась. Она касается этого сустава, и тактильные датчики передают грубую неровность обмотки. Она не заметила залатанное место, когда майн-ди-санту сказала: «Идем, дитя, надевай скафандр, нам пора уходить».

«Куда, майн?»

«В Меридиан. Орел прислал за сыном корабль».

Она натянула скаф-трико и забралась в огромную оболочку: тактильная система обняла ее, корпус запечатался, и Луна опять очутилась в шлюзе станции БАЛТРАН Лаббок, и Лукасинью призывал ее сделать шаг: «Скафандр все сделает за тебя».

А когда она с грохотом шла по периферийному туннелю к шлюзу, будто вернулась в убежище Боа-Виста, залитое зеленым светом, и Лукасинью лежал там, где она его положила. Громадный скафандр мог быть таким нежным. Лукасинью лежал, не шевелясь. И не дыша.

«Что мне делать?»

Убежище показало ей, как подключить Лукасинью к системе искусственного жизнеобеспечения, куда воткнуть мониторы и присоединить установку, которая будет держать его в глубоком спасительном холоде.

«Он очень болен, – сказали машины. – Ему требуется неотложная медицинская помощь».

Но все, что она могла сделать, это ждать на холоде и в лучах зеленого света. Как ждет сейчас в трюме лунного корабля ВТО.

«Свободное падение через три, два, один...»

Двигатель выключается. Подошвы Луны выпускают щетинки, цепляясь ими за микропетли палубного настила. Она надежно закреплена, но ощущает невесомость; помнит головокружительное тошнотворное чувство свободного падения, испытанное во время путешествия БАЛТРАНОм. Она уже тогда возненавидела это ощущение. И теперь, на лунном корабле ВТО, который летит к Меридиану по суборбитальной траектории, это нравится ей ничуть не больше.

Подошвы Луны улавливают вибрацию от серии резких ударов. В сантиметрах от левой пятки ее скафандра появляется череда отверстий, расположенных на безупречно одинаковом расстоянии друг от друга. Лязг – еще одна линия дыр прошивает переборку грузового отсека, из правого нижнего в левый верхний угол. Сквозь пробоины струится земной свет.

Третья серия ударов – и внезапное ускорение отрывает Луну от пола, вынуждая пальцы разжать хватку на капсуле, в которой лежит кузен. Направление ускорения меняется – ее бросает на «гроб» Лукасинью, а потом она воспаряет посреди грузового трюма.

«Нас атакуют, – говорит корабль. – Мы пробиты высокоскоростными кинетическими снарядами. Целостность корпуса нарушена. Резервуар номер три пробит и опустошен, отсюда незапланированное ускорение, которое я сейчас стабилизировал».

Луна хватается за аварийные тросы и подтягивается к переборке. Новая серия ударов: дуги отверстий появляются в настиле палубы и крыше. Опоздай она на два удара сердца – и ее голова была бы там. Дыры в крыше. Повсюду дыры.

Луна поворачивается, и подошвы ее ботинок опять прицепляются к палубе. Она ищет взглядом Элис: мадрина лежит кучей белого пластика по другую сторону «гроба». Не шевелится, не говорит. Почему она не встает? Леди Луна, сделай так, чтобы в ее скафандре не было дыр, чтобы в ее мадрии не было дыр...

По частному каналу раздается стон. Бесформенная куча поверхностной брони вздрагивает, превращаясь в человека в скафандре. Мадрина Элис с трудом встает на колени.

И гаснет свет.

– Что происходит? – кричит Луна.

«Оборван главный силовой разъем, – говорит корабль. – Вспомогательная система электропитания включится немедленно. Должен сообщить, что мое вычислительное ядро серьезно повреждено и моя функциональность нарушена».

Вспыхивают аварийные огни, тусклые и болезненно-желтые. Внутренний дисплей шлема Луны – мозаика красных сигналов тревоги: экипаж – наверху, в командном модуле, в беде. Метки одна за другой становятся белыми.

Белый – цвет смерти.

– Элис!

Мадринья приближается к ней, разводит свои машинные руки, обнимает громадный неуклюжий скафандр.

– Корасан.

– Ты в порядке?

– Капсула, – говорит мадринья Элис. – Капсула.

– Лукасинью!

Луна огибает «гроб», проверяя, нет ли дыр и повреждений, не задело ли его. В левом нижнем углу капсулы появилась вмятина – еще чуть-чуть, и снаряд попал бы в цель. Она прижимается шлемом к окошку. Кажется, все работает.

«В план полета внесены изменения, – сообщает корабль. – Я совершу вынужденную посадку в Тве. Ожидайте поворота через три... два... один...»

Микроускорения дергают Луну туда-сюда – и вот она снова в свободном падении.

«Приготовиться к включению главного двигателя для схода с орбиты».

Вес возвращается: на плечи девочке наваливаются еще несколько Лун. Скафандр подстраивается, делаясь жестким, но Луна все равно скрежещет зубами, и ее кровь тяжелеет, будто вены наполняются свинцом.

«Я включил сигнал бедствия, – говорит корабль. Луна воображает, будто в спокойном информирующем голосе звучит страх. – Мои радиаторные панели получили катастрофические повреждения. Я не могу сбросить избыточное тепло».

В своем путешествии с Лукасинью через юго-восточную четверть Луны девочка изучила природу вакуума. Он был излюбленным оружием Мадонны Тысячи Смертей, но у нее имелись другие, более тонкие, способы убийства, чем просто глубокий, удушающий поцелуй. Вакуум – хороший изолятор, лучший. Единственный способ сбросить тепло – излучение. Ее собственный скафандр мог выдвигать из плеч лопасти, чтобы избавляться от тепла, порожденного системами и ее маленьким телом. Корабль производит намного больше тепла, чем девочка, в основном из-за работы двигателей. Жизненно важные элементы могут перегреться, выйти из строя, даже расплавиться. Чтобы успешно приземлиться в Тве, двигатель должен работать на полную мощность, и он сильно нагреется, а избавиться от этого тепла невозможно. И жара помножится на жару, а потом станет еще жарче.

Корабль содрогается. Луна не помнит, чтобы он так трясся на старте. Двигатель глохнет – она на миг оказывается в свободном падении, – потом снова включается. И опять глохнет, словно заикаясь, пытается включиться, не может. Оттого, как все вокруг грохочет и дрожит, она перестает понимать, в какие моменты происходит торможение.

«Я испытываю... критические системные отказы, – говорит корабль. – Я умираю».

Дрожь прекращается. Главный двигатель выключен. Девочка падает на поверхность Луны в коробке, ящике, корпусе, изрешеченном пулевыми отверстиями.

В вакууме внутри транспортного модуля плавают белые духи. На Луне нет призраков – это всем известно. Тогда что за дымок поднимается над каждым кабелем и трубой, каждым волокном палубного настила и каракулями, оставленными вакуумным маркером?

Тут Луна замечает показания собственных температурных сенсоров. Они сообщают, что палуба под ногами разогрелась до ста пятнадцати градусов Цельсия.

«Летучие вещества выкипают из полимеров и органики, – сообщает ИИ скафандра. – По моим оценкам, мы достигнем точки плавления через три минуты».

Ее скафандр сделан из пластика. Крепкий пластик, жесткий пластик, в котором можно ходить по поверхности Леди Луны, – славный пластик, делающий все возможное, чтобы сохранить прохладу внутри, но она заживо сгорит в нем задолго до того, как кончится воздух.

«Я направляю максимально доступную мощность на контроль среды, – говорит ИИ. – Разворачиваю охлаждающие панели».

Луна чувствует щелчок: у нее за спиной развертываются лопасти. Крылья, волшебные крылья, совсем как у «сатурнии луны», ее фамильяра.

«Приготовиться к удару», – внезапно говорит скафандр.

– Что... – начинает Луна, и внезапно что-то бьет ее сильнее, чем когда бы то ни было, – так сильно, что даже тактильная система не может погасить силу удара. Девочка в скафандре тяжело ударяется о пол и переборки транспортного отсека. Она слышит, как ломаются крылья, трещит пластик. Она – крошечный боб, с грохотом мотающийся туда-сюда в высохшей тылке.

«Я получил повреждения, угрожающие целостности оболочки», – сообщает ИИ скафандра. Луна пытается вдохнуть, но горло перехватило от спазма.

Мадринья Элис с трудом встает.

– Анжинью, надо выбираться отсюда. Открой дверь. Я вытащу Лукасинью.

Трюм затянуло дымом; размягчившиеся трубы провисают, кабельные желоба перекосило. Палуба наклонена: дверь транспортного отсека находится вверху.

И она не открывается.

Луна снова бьет по красной кнопке. Дверь не слушается.

– Где ручное управление? – спрашивает девочка у скафандра. «Второе правило лунных прогулок: у всего есть ручное управление». Так ей сказал дядя Карлиньос. Большой и улыбчивый тиу Карлиньос, который слишком редко появлялся в Боа-Виста, но, когда это случалось, он подхватывал ее на руки и подбрасывал высоко в воздух, так, что ее волосы развевались и она вскрикивала, хотя знала, что он обязательно ее поймает. Первое правило лунных прогулок: тебя может убить что угодно.

Большой и улыбчивый тиу Карлиньос из тех времен, когда она была ребенком – до того, как приняла клинки и стала принцессой Корта Элиу.

Скафандр высвечивает небольшой люк. Внутри него – рукоятка.

– С моей стороны еще одна, – говорит мадринья Элис. – Давай вместе.

Мадринья Элис отсчитывает на пальцах. Три, два... Луна тянет за рукоятку. Дверь вываливается наружу. Девочка в скафандре выглядывает за край. Она стоит на обрыве, до реголита – три метра. Корабль рухнул на край небольшого кратера. За его невысоким ободком Луна видит тарелки и мачты с зеркалами – это Тве. Спрыгнуть на поверхность легко. Она соскальзывает назад по наклонной палубе и тормозит, схватившись за ручку «гроба». Элис удерживает его головную часть. Луна отстегивает защелки. «Гроб» скользит. Элис принимает вес на себя, а потом Луна бросается к изножью, и вдвоем они тянут, толкают, потихоньку приближают тяжелую медицинскую капсулу к краю палубы, к выходу. К обрыву.

Нет никакой возможности действовать нежно.

Они толкают Лукасинью через край. Капсула медленно падает под воздействием слабой лунной силы тяжести, ударяется изножьем о поверхность и, кувыркнувшись, остается лежать окошком вниз. В двух шагах позади нее Луна и Элис спрыгивают с платформы и приземляются в клубах пыли. Они единственные выжившие в крушении лунного корабля ВТО «Пустельга».

Элис тычет пальцем в упавший «гроб», изображая, будто поднимает его. Два бронированных костюма приседают и переворачивают капсулу. Она цела, стекло не разбилось. Лукасинью лежит на боку, неподвижный. Луна не понимает, жив он или мертв.

– Унесем его от корабля, – говорит Элис.

Вдвоем они тащат Лукасинью прочь от места крушения «Пустельги». Корабль лежит, словно раздавленная праздничная бабочка. Два набора посадочных опор его подвели: часть сложилась из-за смещения центра тяжести в ходе прилунения, часть воткнулась в корпус. Оставшиеся от выбитых радиаторных панелей пустые рамы топорщатся, как распростертые крылья. Пробитый топливный бак все еще выпускает пар. Одну группу двигателей полностью оторвало. Корабль изрешечен сквозными дырами, пронзен тысячу раз. Грузовой модуль прошит пересекающимися следами очередей. Луне не верится, что они спаслись. Командный модуль превратился в решето. Там никто не уцелел, не осталось ничего живого. Батареи взрываются, осколки отскакивают от скафандра Луны. Из пулевых отверстий капает расплавленный пластик. На глазах у Луны «Пустельга» продолжает разрушаться. Она видит тускло-красное свечение двигателей. Корабль сейчас взорвется. Две женщины поднимают «гроб» Лукасинью и изо всех сил мчатся к дальнему краю кратера. Плавно скользят по рыхлому реголиту к куполам, резервуарам и антеннам Тве, столицы Асамоа. Солнечные купола, пропускающие свет к зеркальным решеткам, все еще частично завалены реголитом, которым их засыпали бульдозеры под управлением захватчиков из УЛА, чтобы задушить город, перекрыв фермам доступ к Солнцу.

Предупреждения расцветают на визоре Луны. Ее скафандр постепенно умирает: критические системные ошибки следуют одна за другой. Она уже такое видела, шла тропой смерти – на стеклянных равнинах вблизи Боа-Виста, где скафандр ее подвел, и Лукасинью, заделав дыру, отдал племяннице последний глоток воздуха.

Тве должен знать. Поврежденный корабль совершил аварийную посадку. Тве пришлет помощь. Тве всегда был другом семейства Корта.

На горизонте появляются два столба пыли. Через несколько секунд они становятся двумя полосами следов, которые приближаются с востока. Луна машет: «Здесь! Смотрите! Мы тут».

– Почему Асамоа идут с той стороны? – спрашивает Элис.

Луна уже видит роверы. Она их видела раньше, видела эти скорострельные пулеметы на крышах.

– Бежим! – кричит девочка.

Скафандр показывает Луне ближайший шлюз, но аккумуляторы на исходе, а «гроб» тяжелый, так что им ни за что не обогнать Маккензи.

Перед Луной проносятся пылевой байк, за ним второй, третий. Целая стая байков, от каждого в безвоздушные небеса поднимаются геральдические знамена с символами адинкра. «Черные звезды». Байки окружают Луну и Элис. Тот ездок, что оказывается прямо перед девочкой, поднимает руку: «Остановитесь». Они замирают, продолжая удерживать капсулу жизнеобеспечения на весу. Ездоки по обе стороны от командира соскальзывают с машин и тянут тросы от байков к скафандрам и «гробу».

Белые панели становятся красными: визор Луны заполняется именами, метками, идентификаторами, диапазонами, схемами.

– Мы с вами, – говорит командир «черных звезд».

– Опустите капсулу, – раздается чей-то голос по общему каналу.

Маккензи прибыли. Луна дрожит от ярости, заслышав австралийский акцент. Эти люди ее достали – достали, достали, достали! Она не подчинится. Не бросит Лукасинью. Девочка перехватывает ручку «гроба» поудобнее и поворачивается к непрошеным гостям.

Два ровера «Маккензи Гелиум» остановились в сотне метров вверх по склону. Команды спрыгивают с сидений и строятся. Один джакару несет винтовку. Установленные на роверах пулеметы поворачиваются, наклоняются, находят цель.

У каждого бойца из Тве в руке клинок.

– Хватит!

Луна топает ногой.

– Я Луна Амейо Арена ди Корта, и я принцесса! – кричит она. – Рафаэль Корта был моим отцом, Лусика Яа Деде Асамоа – моя мать, омахене Золотого Трона АКА. Только попробуйте меня тронуть, и вам ответит все семейство Асамоа.

– Луна, – шепчет мадрина Элис по частному каналу, но девочка прямо сейчас злится – она злее, чем ей случалось быть до сих пор. Сто гневов от тысячи несправедливостей преобразились в чистую и праведную ярость.

– Уходите! – кричит Луна.

На общем канале – ни слова, но строй джакару рассыпается, и они возвращаются к своим роверам. «Черные звезды» по-прежнему стоят защитной стеной. Потом скорострельные пулеметы вздрагивают и отворачиваются от целей. Роверы разворачиваются, подымая кольца пыли. Миг спустя они уже на полпути к горизонту.

– Луна, – зовет мадрина Элис, а командир «черных звезд» говорит по общему каналу:

– Теперь вы в безопасности.

Но девочка стоит, неподвижная как столб, и ее рука крепко сжимает ручку «гроба» кузена.

– Уходите, уходите, уходите, – повторяет она. – Уходите!

* * *

Когда двери закрываются, Финн Уорн устремляет взгляд на светящиеся потолочные панели. Подъем по западному флангу Кингскорта на скоростном лифте занимает двадцать секунд, но скорость – такая же проблема для него, как и двухкилометровый путь пешком от основания Царицы Южной до личных апартаментов Брайса. Для главы службы безопасности «Маккензи Гелиум» непрофессионально страдать акрофобией. А вот так, заложив руки за спину и глядя на свет, можно соврать себе, что он медитирует, собирает внутренние ресурсы.

Брайс мог бы все сделать через сеть. Современному бизнесмену не нужно лично инструктировать свой Первый Клинок. Но природа олигарха такова, что он желает то, в чем не нуждается.

А еще современному бизнесмену не нужна личная секретарша в безупречно белом платье за безупречно белым столом. Финн Уорн всегда гордился своим внешним видом: ногти наманикюрены, волоски в носу подстрижены, шевелюра смазана бриллиантином и причесана по сегодняшней моде, в стиле 1940-х годов. Но Кримсин, сидящая за столом, всегда заставляет его чувствовать себя неотесанным и расхлябанным: галстучный узел затянут слабовато, под ногтями траурные ленты, щеки отливают синевой от щетины. И Финн в курсе, что она знает про его страх высоты.

Он демонстрирует допуск высочайшего уровня из возможных. Кримсин чуть склоняет голову – минимальное проявление согласия, на какое она способна.

Чтобы смягчить эту атмосферу презрения, Финн Уорн представляет себе секс с Кримсин. Ему нравится воображать, что безукоризненное самообладание и изысканное внимание к деталям распространяются на каждую часть ее тела, и что, какой бы интенсивной, грубой и продолжительной ни была близость, эта женщина останется такой же собранной.

Щелчок. Дверь в святая святых Брайса Маккензи открыта.

– Мистер Уорн.

Брайс лежит на функциональной кровати у стеклянной стены. Он голый: оползень плоти, масса жира, который ниспадает и плещется на белой обивке. Кожа испещрена белыми зернистыми растяжками. Машины обихаживают его с усердием фанатичных верующих: две у плеч, две у живота, две у бедер. В длинные «руки» встроены иглы и всасывающие устройства, которые должны выхлебать его жир.

Финн подходит настолько близко, насколько осмеливается. Вид из окна чудовищен: не отвесный обрыв – заглянуть в эту бездну он так и не сумел, – но панорама башен Царицы Южной; каждый шпиль, тонкий, словно палочка для еды, напоминает о том, как высоко он находится и какая еще более внушительная высота простирается над ним, в конце концов сливаясь с механизмами на крыше лавовой полости, где расположена Царица. Это чудовищно, но не так чудовищно, как существо на функциональной кровати.

– Вы его упустили, – говорит Брайс.

– В договорах, которые заключили с отрядами роверов, не было пункта о столкновении с Асамоа, – отвечает Финн.

Брайс делает резкий вдох, когда машины стигают манипуляторы и вонзают иглы в его плоть.

– Ваша работа заключалась в том, чтобы привести ко мне Лукасинью Корту.

– Мы заключили поспешные контракты. Нам пришлось действовать скоропалительно, чтобы не отстать, – говорит Финн. Он видит, как канюли движутся под кожей Брайса, проникая сквозь жир.

– У вас есть оправдания, мистер Уорн?

Финн Уорн подавляет страх, стиснувший его мертвой хваткой.

– Теперь Лукасинью Корта снова в Тве, под защитой Асамоа. У нас было два ровера со скорострельными пулеметами. Напомните мне, «черные звезды» оказались вооружены?

– Это были байкеры с ножами.

– Байкеры с ножами. Против скорострельных пулеметов.

– Юридические ИИ предостерегли наемников от провокационных действий.

Брайс прижат к кровати, как к предметному стеклу, не может пошевелиться. Двигутся лишь его глаза, и смотрят они на Финна Уорна.

– Эти пулеметы сбили лунный корабль ВТО.

– Юридическая служба получила иск о компенсации из Святой Ольги.

Груда жира дергается и ворчит на столе из нержавеющей стали.

– Опротестуйте. И опротестуйте завершение выплат стрелкам. Сраные наемники.

– У них не было полномочий начинать войну с АКА.

Желтый жир стекает по трубкам в полупрозрачные мешки под кроватью.

– Есть выжившие в Жуан-ди-Деусе?

– Ни одного.

– Это уже кое-что. Наши потери?

Иглы выдергиваются. Из ран вытекают тонкие струйки крови, а потом более нежные механические конечности принимаются за дело: вытирают, стерилизуют, запечатывают. Иглы ищут новые цели и впиваются. Брайс опять тихонько ахает. Финн ощущает в этом нечто сексуальное. У него зудит мошонка.

– Мы не ожидали драки.

– Покажите цифры.

От фамильяра к фамильяру летят данные.

– В основном наши собственные джакару, – комментирует Брайс. – Хорошо. Наемники стоят дорого. Стандартная компенсация плюс десять процентов. Как вы и сказали, они не ждали драки. Итак, у нас нет заложника, Жуан-ди-Деус ненавидит меня сильнее, чем раньше, а Евгений Воронцов хочет, чтобы я подарил ему новый лунный корабль. Хреновато, не так ли, мистер Уорн?

– Каковы ваши инструкции, мистер Маккензи?

– Мины, мистер Уорн. Такие штуки, которые взрываются. Возьмите команду инженеров и заминируйте этот сраный город, так сильно любимый Лукасом Кортой. Держите все в тайне. Вы же сумеете, да? И пусть кто-нибудь из технической службы напишет программу для моего

фамильяра. Хочу, чтобы Жуан-ди-Деус превратился в кратер, если со мной что-то случится. Он отнял мой дом – я поступлю так же.

Канюли покидают тело с подобострастным всхлипыванием и начинают искать новые места, откуда можно высосать жир.

Глава вторая

И вновь оживленный утренний гул, охвативший квадру Ориона, рассекает этот характерный крик, пронзительный и высокий. Черета коротких и резких звуков, переходящая в трель.

Пальцы Алексии, занятой утренним туалетом, застывают на пуговице приталенного жакета. Малейшее движение, легчайший шорох ткани уничтожат песню. И та действительно затихает. Алексия в чулках спешит на балкон. Застывает как вкопанная, пытаясь расслышать тонкие звуки сквозь аккорды сотен разных электрических двигателей, журчание воды в трубах, тихий шелест искусственных ветров и хор человеческих голосов, которые представляют собой самую громкую составляющую музыки Меридиана. Она сосредоточивается, будто стрела в полете, вся превращается в слух. Даже собственное сердцебиение и шорох дыхания кажутся ей слишком громкими.

Вот оно: стаккато коротких, как булабочные уколы, звуков дальше в квадре. Нечто странное, живое, нечеловеческое. На краю поля зрения мелькает зеленое золото, красное пятнышко – расплывчатое пятно. Она отслеживает движение взглядом. Птица.

– Что это?

Алексия научилась принимать иконки в глазу, отображающие Четыре Базиса. Железной Руке Орла Луны не суждено познать удушающий страх перед кислородным долгом, не суждено занимать вдохи у семьи и друзей; извлекать воду из того, что побывало в легких у полутора миллионов лунных граждан. Но огоньки в поле зрения никогда не гаснут, и Алексия не забывает, что в этом мире все оценено и учтено. Ее фамильяр все еще ощущается как что-то незнакомое. Алексия дала ему имя, как того требует обычай – Манинью³ – и наделила обликом мультяшного пацана в мешковатой майке, шортах и огромных кедах, чтобы он не выглядел грозным, но все еще робеет говорить с ним вслух. У нее дома ИИ знают свое место.

У нее дома...

«Красноспинный попугай», – тихо сообщает Манинью через имплант в ухе. Алексия ахает, когда цветное пятно устремляется к ней, а потом садится на перила соседского балкона: птица.

– О, кто тут у нас... – выдыхает Алексия Корта. Она садится на корточки, цокает языком и шипит, протягивает палец в сторону птицы: общеизвестный ритуал призыва маленьких существ и младенцев. – Разве ты не красавец?

Попугай наклоняет голову и смотрит на нее сперва правым глазом, потом левым. Цвет его оперения меняется от бирюзово-зеленого на макушке до изумрудного на крыльях и желтого на животе. Спина – горячий кирпично-красный всплеск.

Не считая рыб и ракообразных в ресторанных аквариумах и ручных хорьков на поводках, это единственное живое существо, не принадлежащее к человеческому роду, которое Алексия увидела с той поры, как покинула Землю.

«Что он тут делает?» – Алексия напрягает челюстные мышцы, говоря субвокально, через имплантированный микрофон, – этот трюк каждый лунный ребенок осваивает раньше, чем начинает ходить, но ей он по-прежнему не дается.

«Судя по поведению, я предположил бы, что он пытается выпросить у тебя еду», – говорит Манинью.

«Да я не об этом, – говорит Алексия. Она одела фамильяра в оболочку, которая делает его похожим на дуралея, завсегдатая пляжей, но, с точки зрения личности ИИ, – вылитый святой отец, обучающий катехизису. – Я имела в виду, откуда он взялся?»

³ Братишка, младший брат (*порт. maninho*).

«Колонии диких попугаев возникли в Царице Южной двадцать лет назад, – говорит Манинью. – В Меридиане обитают около пяти сотен экземпляров. Они оказались устойчивы к уничтожению. Биологическая инвазия – постоянная проблема в городских центрах».

«Что они едят?»

«Зерно, фрукты, орехи и семена, – говорит Манинью. – Съедобные излишки. Они полностью зависят от людей».

– Не улетай, пассаринью ⁴, – говорит Алексия.

Она медленно пятится в гостиную. Старая квартира в Океанской башне была тесной, а эта – тюремная камера. «И где мой вид из пентхауса?» – пожаловалась она. Помощники озадаченно нахмурились. Это было высококлассное жилье, подходящее для личного ассистента Орла Луны. Они объяснили, как глубоко радиация проникает с поверхности сквозь реголит. Чем выше статус, тем ниже ты живешь. «А где кухня?» Сбитые с толку служащие вывернули из стены раковину, вытащили мусоросборник, выдвинули холодильник. «А где я буду хранить вещи? Готовить?» Опять они изумленно вскинули брови. «Вы хотите готовить?» Все едят вне дома. Надо выбрать заведение, познакомиться с завсегдатаями и шеф-поваром, создать небольшое сообщество. Кухоньки в квартирах нужны для того, чтобы смешивать коктейли и заваривать мятный чай, если никак не получается пойти в чайную.

Орешки. У нее есть немного кешью в холодильнике. Кешью, сок кешью – это вкус дома. Больше в холодильнике ничего нет. Птицы любят орешки, не так ли?

«Сообщение от Лукаса», – говорит Манинью.

– Вот дерьмо.

Даже не голосовой вызов. Сообщение, инструкция. Планы изменились. Встретимся в Павильоне Новой Луны. Форма одежды – для пленарного заседания.

Алексия бросает горсть орехов на балкон и, отворачиваясь, боковым зрением видит трепетание зеленых перьев.

* * *

Мужчина ныряет в лифт следом, держась близко, словно тень. От его вонючести у нее перехватывает дыхание. Обоняние Алексии было первым ощущением, подвергшимся атаке Луны, и первым, которому пришлось адаптироваться. Когда она вышла из капсулы «лунной петли» в хаб Меридиана, вонючести едва не сбила ее с ног. Тошнотворный смрад нечистот, запах воздуха, которым дышали тысячи тел, и самих этих тел, треск озона и электричества, жирный сладкий дух только что напечатанного пластика. Тела, пот, бактерии и плесень. Запахи готовки, гниющей растительности, стоячей воды. И над всем, выше всего, – пряный запах лунной пыли, похожий на запах сгоревшего фейерверка. Однажды утром она проснулась в своей крошечной спальне, больше не чувствуя зловония. Оно стало ее частью. Слилось с ее кожей, горлом, выстилкой трахеи и легких.

Весь лифт замечает этого мужчину.

Он высокий, тощий, белый и небритый. Одет по-лунному заурядно: в толстовку и леггинсы, но одежда грязная: немыслимый факт в обществе, которое носит вещи один день, чтобы наутро все напечатать заново. Он обнажен: фамильяр не нависает над его левым плечом. Мужчина замечает взгляд Алексии и смотрит прямо на нее.

Алексия Корта не из тех, кто первым отворачивается.

По мере того как лифт поднимается, пассажиров становится меньше. Когда он достигает уровня, где офис Совета УЛА символически подвешен между Землей и лунной элитой подножия, – остаются только Алексия и вонючий мужчина.

⁴ Птичка (*порт.* passarinho).

Лифт замедляет ход, останавливается.

– Дайте мне немного воздуха, – выдыхает вонючка, когда дверь открывается. И делает шаг в проем, чтобы не дать ей закрыться.

– Простите... – Алексия протискивается мимо, и он хватается за запястье. Бразильянка высвобождается, демонстрируя, что могла бы сломать ему руку одним усилием мысли, и приостанавливается, желая ответить на оскорбление. А потом понимает: так выглядит нищета. Она выросла, веря, что на Луне все богаты. Она сидела на парапете Океанской башни и смотрела на крошечный далекий шар миллиардеров.

– Прошу. Глоток. Воздуха.

Она слышит напряжение в каждом слове. За каждый слог приходится платить. Этот человек задыхается. Его грудная клетка почти не движется, сухожилия шеи – туго натянутые кабели, и каждая мышца сосредоточена на втягивании воздуха в легкие. Но дышать он не может.

– Прости, я новенькая, не знаю, как это делается... – бормочет Алексия, пятясь от человека, который медленно умирает от асфиксии.

– Сраная УЛА, – шепчет он ей вслед. Он не может позволить себе кричать. – Не. Стоишь. Даже. Воздуха. Которым. Мы. Дышим.

Алексия оборачивается.

– Что ты имеешь в виду?

Дверь уже закрылась.

– Что ты имеешь в виду? – кричит Алексия. Лифт поднимается со скоростью экспресса к высокому городу, где обитает беднота.

«Алексия, – говорит Маниню, – ты опоздала на две минуты и двадцать три секунды. Лукас ждет».

Сложив руки на груди, леди Сунь ожидает прибытия Уполномоченной лунной администрации. Досточтимые делегаты будут в раздражении: им пришлось отправиться из Меридиана в Царицу Южную, потом – во Дворец Вечного света и наконец совершить унижительную прогулку по полированному каменному полу Великого зала «Тайяна» к маленькой двери, за которой ждет леди Сунь со своей свитой. Ну и пусть злятся. Вдова из Шеклтона – не дитя, которое можно подозвать к себе вот так, запросто.

Они двигаются словно испуганные куры, эти земляне: ступая осторожными, экономными шагами, держась близко друг к другу, будто пол способен их поглотить. Земляне. Какие отвратительные костюмы. Узкие галстуки, убогие туфли. Униформа аппаратчиков и корпоративных идеологов. Их фамильяры – идентичные полумесяцы, серые как сталь, словно обыкновенные цифровые помощники, а не внешние ИИ-души. Ее свита – высокая, красивая, хорошо одетая – глядит на землян свысока.

– Сунь Цыси.

Она ждет.

Она может ждать, пока Солнце не остынет.

– Леди Сунь.

– Делегат Ван.

– Мы обеспокоены благополучием делегата Джеймса Ф. Кокберна. Он был назначен представителем УЛА при «Тайяне» с особыми полномочиями по экваториальному поясу солнечных батарей, – говорит делегат Ван, холодная и расчетливая женщина из Пекина. Партийный аппаратчик.

– Мы хотим знать, не произошел ли с делегатом Кокберном несчастный случай. – Фамильяр леди Сунь определяет говорившего как Ансельмо Рейеса из объединения венчурного капитала «Давенант». УЛА прислала чиновников самого высокого ранга.

– Вынуждена с сожалением сообщить, что делегат Кокберн попал в аварию со смертельным исходом во время инспекции Солнечного кольца, в секторе Гримальди – Север, – говорит леди Сунь. – Скафандры для поверхности, даже бронированные, требуют навыков и опыта.

– И нам не сообщили об этом немедленно? – спрашивает делегат Ван.

– Сеть еще восстанавливается после вторжения, – говорит Деметра Сунь из тайянской свиты, как было отрететировано.

– Вы имеете в виду рационализацию, – поправляет делегат Ван.

Деметра Сунь опускает голову.

– «Тайян» проведет полное расследование случившегося, – обещает Сунь Гози. – Вам предоставят отчет, и будут удовлетворены любые требования о компенсации.

– Пожалуйста, примите это от правления «Тайяна», – говорит леди Сунь. Она поднимает палец, и Сунь Сюлань делает шаг вперед с сундучком в руках. Сундучок маленький, замысловатый – лунный титан, лазерная резьба. Изысканная вещь. Ван Юнцин достает каллиграфический свиток.

– Углерод, пятьдесят восемь тысяч пятьсот двадцать три целых двадцать пять сотых грамма, и шестнадцать тысяч шестьсот шестьдесят четыре целых тридцать семь сотых грамма кислорода, – читает делегат Ван. – Объясните, пожалуйста.

– Химические компоненты Джеймса Ф. Кокберна, по массе, – говорит леди Сунь. – На удивление высокое содержание наночастиц свинца, ртути, кадмия и золота. Разве каллиграфия не изысканна? У Сунь Сюланя завидный талант.

Высокий юноша опускает голову в знак признательности.

– Элементы уже добавлены в общий органический пул, – прибавляет леди Сунь. – Заббалины весьма аккуратны в том, что касается численной стороны жизненного итога. Я нахожу такую точность обнадеживающей.

Сунь Сюлань обращается с кистью каллиграфа всем на зависть, но Цзян Ин Юэ еще лучше обращается с ножом. Она в «Тайяне» занимает пост ответственной за разрешение корпоративных конфликтов – более прямолинейные кланы, вроде Маккензи, обошлись бы без словесных изысков и назвали эту должность Первым Клинком. Три Августейших предвидели прибытие агента Народной Республики: простые проверки определили Джеймса Ф. Кокберна как означенного агента с вероятностью семьдесят пять процентов. Риск оказался достаточно велик, чтобы правление, собравшись среди теней и сияния Дворца Вечного света, приказало с ним покончить. Эту миссию поручили Цзян Ин Юэ, вооружили и велели приступать. Она лично сопровождала делегата Кокберна в частной автомотрисе. Пока автомотриса была в туннеле, ведущем через стену кратера Шеклтон, Цзян Ин Юэ вытащила костяной клинок из ножен внутри костюма и воткнула его Джеймсу Ф. Кокберну через мягкую плоть под челюстью прямо в мозг. На запасном пути у терминала БАЛТРАНа ждали заббалины. Они забрали тело, нож и устранили все следы ДНК. Пятна – это кровь, кровь – это углерод, а углерод принадлежит Луне.

– Но это же... – дрогнувшим голосом начинает Моника Бертен, третий исполнительный директор УЛА, представляющий интересы Европейского союза.

– Это по-нашему, мадам Бертен, – говорит леди Сунь. Согнутый палец сигнализирует ее окружению, что встреча окончена. – Пожалуйста, наслаждайтесь гостеприимством Дворца. – Молодые женщины и мужчины окружают леди Сунь, когда она уходит. Ее славные мальчики и девочки.

– Вы заметили? – говорит леди Сунь, когда они садятся в капсулу трамвая, которая доставит ее в частные апартаменты.

– Все подчиняются мадам Ван, – говорит ответственная за разрешение корпоративных конфликтов.

– Народная Республика не забыла, – продолжает леди Сунь. – Они ждали шестьдесят лет, но стали жадными и слабыми. Они совершили ошибку и показали нам, как глубоко контролируют УЛА. И мы можем использовать это против них.

Капсула скользит по туннелям и замедляется, приближаясь к частной станции.

«Мадам, прибыл Дариус Маккензи», – объявляет фамилляр леди Сунь.

– Дариус Сунь, – поправляет Вдова из Шеклтона. – Ин Юэ, пожалуйста, вызови мою внучку Аманду. Хочу увидеться с ней у себя.

Подле двери капсулы она взмахом руки отпускает Цзян Ин Юэ. Останавливается, чтобы оценить взглядом своего внучатого племянника. Пять дней назад леди Сунь оставила его в школе Семи Колоколов. Он уже выглядит более стройным, бдительным, собранным. Более дисциплинированным. И перестал курить.

«Мы тут делаем оружие», – сказал Мариану Габриэль Демария.

Леди Сунь посылала многих членов своей семьи изучать путь клинка, но оружие, которое она кует на этот раз, представляет собой нечто более изящное и великое. Оружие, открытое взглядам, словно меч на стене, который много лет сохраняет смертельную остроту. Оружие, которое можно обнажить лишь после того, как она умрет.

– Дариус.

– Тайхоу⁵. – Почтительное обращение не совсем корректно, но все-таки Мариану Габриэлю Демария научил его хорошим манерам, и это после непристойной бесцеремонности Кингскорта. Когда Маккензи успели сделаться мягкотелыми декадентами? В былые, великие дни Сунь и Маккензи выковали этот мир. Маккензи производили сталь, а леди Сунь уже тогда была тверда как алмаз против их металла. Леди Луна в ту пору была сурова: за каждый вдох и каждую слезу с ней приходилось воевать. Их осталось так мало: Роберт Маккензи мертв, Евгений Воронцов – слабоумная развалина, которую внуки тащат куда-то, словно свинью на рынок. Даже Адриана Корта, последняя из Драконов, умерла первой. У нее был стальной хребет. А дети разочаровывают. Из грязи в князи и обратно в грязь за три поколения. Первое поколение чего-то добивается, второе тратит, третье теряет. Лукас Корта, конечно, сын своей матери. Отправиться на Землю – прежние Драконы восхитились бы. Они знали толк в том, как совершать невозможное.

Она замыслила, чтобы Корта и Маккензи уничтожили друг друга. Над этим еще надо поработать.

– Полагаю, Мариану не дает тебе спуска? – спрашивает леди Сунь.

Она подходит к окнам, щелям полыхающего света, прорезанным сквозь наружную каменную стену кратера Шеклтон. Толщина закаленного стекла – шесть сантиметров, но неумолимый солнечный свет Южного полюса день за днем, месяц за месяцем расщепляет атомные связи. Однажды они падут. Леди Сунь нравится представлять этот момент. Когда знаешь, чем все закончится, это бодрит и укрепляет. Лезвия яркого света рассекают комнату, и в них танцует пыль. Апартаменты леди Сунь просторны и обставлены просто; роскошь выражается в тканях, которыми обиты стены. Лучи солнечного света, на этих экстремальных широтах достигающие раз и навсегда определенной высоты, прочертили длинные белые линии на парче и гобеленах. Леди Сунь это безразлично. Она обожает свои ткани за тактильные свойства: талантливо сотканые переплетения волокон могут измениться, стоит лишь раз провести по ним рукой, – из гладких, словно мягкий мех, сделавшись шершавыми, как кошачий язычок.

– Если вы имели в виду, что мои занятия идут интенсивно, то так оно и есть, – говорит Дариус Сунь-Маккензи. – Он учит меня ощущать. Сражению предшествуют движения, движениям – ощущения.

⁵ Вдовствующая императрица (*манд. кит. tàihòu*).

– Лабиринт, – говорит леди Сунь. Вся Луна знает легенду о темном лабиринте, где тренируются истинные бойцы и во мраке висят семь колоколов. Если сможешь пройти по лабиринту так, чтобы ни один из них не зазвучал, ты узнал все, чему школа Семи Колоколов может тебя научить. – Покажи мне, что ты теперь умеешь.

Леди Сунь достает трость из стеклянной вазы. Глупые гости и дети приносят ей трости в подарок. Она обрушивает эту штуку со всей силы на голову Дариуса. Но его там нет. Он отпрыгнул на шаг, сохраняя равновесие и готовый ко всему. Леди Сунь атакует Дариуса тростью, словно вдова, отбивающаяся от взломщиков. Дариус уходит, увертывается, уклоняется от ударов: его движения скупы, так что всякий раз трость промахивается на считанные миллиметры.

«Изящество и элегантность, – думает леди Сунь, приближаясь к Дариусу и осыпая его шквалом рубящих и колющих ударов. – Он не полагается лишь на зрение: слышит движения трости, мое дыхание и шаги; он чувствует, как перемещается воздух».

– Восхитительно, – говорит леди Сунь. – А теперь представь себе, что ты собираешься убить меня. – Она бросает трость. Дариус ловит, не глядя. Он чувствует ее, его рука там, где надо, ладонь открыта. Он надвигается на леди Сунь; кончик трости скользит мимо ее горла, мягкого места за ухом, подмышки. Расстояние близкое, движения отточенные; дистанция между намерением ударить и ударом минимальна.

Трость касается ее предплечья, паха, шеи. Это финал: три изящных пореза.

Первый лишит клинка.

Второй – способности сопротивляться.

Третий – жизни.

Леди Сунь подзывает внука, и Дариус отдает трость.

– Ты учишься быстрее, чем тебя обучают.

– В «Горниле» я усвоил основы ножевого боя с Денни Маккензи.

– Денни Маккензи, да, прекрасный рубака. Подлый и благородный. Интересно, как он переносит изгнание.

Фамильяры объявляют о прибытии Аманды Сунь. Она в вестибюле. Дариус начинает прощаться.

– Останься, – возражает леди Сунь. – Есть и другие способы борьбы.

Гнев Аманды Сунь виден по ее расправленным плечам, напряженному животу и рукам. «Я читаю тебя как детскую книжку, – думает леди Сунь. – Неудивительно, что Лукас Корта тебя превзошел».

– Твой сын в Тве, – наконец говорит Вдова из Шеклтона.

– Он по-прежнему под защитой Асамоа.

– А ты по-прежнему здесь, – говорит леди Сунь. На краю ее поля зрения – все еще широкого и острого – топчется Дариус. – Пока мы разговариваем, Лукас Корта едет в Тве. Он собирается забрать сына обратно в Меридиан. Нам нужен рычаг воздействия на Орла Луны. Вся Видимая сторона из кожи вон лезет, чтобы заполучить какого-нибудь Корту. Ценного Корту.

– Я отправлюсь немедленно.

– Для этого слишком поздно. Тамсин подготовила от твоего имени иск о родительской опеке над Лукасиной Кортой.

Дариус склоняется вперед, напрягая мышцы и сухожилия, затаив дыхание; его новорожденные боевые инстинкты пробудились.

– Ты должна подать иск в Суд Клавия. Будешь лично вести дело. А значит, неизбежно пересечешься с Лукасом Кортой.

– Ты мерзкий иссохший мешок желчи... – начинает Аманда.

– Какая мать не пожертвовала бы собой ради ребенка?

– Я член совета директоров и имею право на то, чтобы со мной консультировались.

– Материнство – не вопрос прав. Это вопрос ответственности, – говорит леди Сунь. – Тебя ждет автомотриса.

Вдова из Шеклтоне складывает руки. Аманда Сунь, совладав с эмоциями, поворачивается и быстрым шагом покидает апартаменты.

– Она мне солгала, – говорит старуха Дариусу. – Сказала, что убила Лукаса Карту, когда «Корта Элиу» пала. Понимаешь, Дариус, люди говорят: бизнес есть бизнес, ничего личного. Великая ложь. Все – личное.

Глава третья

Тве атакует соблазнами все чувства Алексии. Здесь есть цвета, формы, тени и движения, с которыми она ни разу не сталкивалась в Меридиане. Дюжина мелодий, сотня голосов – дети! птицы! – тысяча разновидностей шума, гама и суеты: грохот и плеск водопровода, завывание – то порознь, то в унисон – теплых влажных ветров в вентиляционных каналах, раздраженный визг электрических двигателей... А это что? Двое детей на скейтборде? Тве смазывает кожу Алексии пятьюдесятью мускусами и феромонами: ее язык ощущает одновременно кислоту и сладость, нечто пикантное и соленое; в каждой клеточке тела – тепло, и давление здесь выше, а еще влажность, и... Неужели гравитация слегка не в порядке? Меридиан – великолепная панорама переплетающихся каньонов: утесы там грандиознее, чем можно представить, любая обширная перспектива сходится в далекой сияющей точке, но это все камень, мертвый камень. Тве – корень жизни, чьи отростки сплетаются, впиваются, прорываются глубоко в холодное сердце Луны, чтобы найти жизненно важные вещества, которые позволят умножить себя.

Моту скользят сквозь толпу людей, скопившуюся у станции. Лукас, Алексия и Нельсон Медейрос, начальник службы безопасности Орла, окружены группой эскорт. Алексия хватается за ручку, едва не потеряв равновесие от внезапного ускорения. Она тихонько вскрикивает, когда моту на большой скорости въезжает в неосвещенный туннель. Изгибы, повороты, наклоны смещают ее центр тяжести туда-сюда. В какой-то момент желудок камнем падает вниз. Потом все вокруг заливают яркий свет цвета обожженной солнцем кожи, и что-то хватается моту, поднимает его так быстро, что Железная Рука теряет дар речи. Они на платформе лифта едут вверх по стене огромной шахты, а мимо один за другим проносятся ярусы растений. В Барре каждый балкон и крыша представляли собой городскую ферму – она придумывала системы капельного орошения для всего – от салатов до особых разновидностей коки, – но масштаб этой гидропонной трубы сам по себе вызывает трепет. Тут – картофель, там – ямс. А это, выходит, бобы – со стручками размером с предплечье? Моту поднимается через лес кукурузы: изящные листья похожи на копья, стволы совсем как у деревьев. Растения становятся высокими при лунной силе тяжести и в теплой, яркой, богатой на питательные вещества экологии Тве.

– Это как в парке аттракционов! – кричит Алексия, перекрывая шум воздуха, шелест листвы и голоса невидимых птиц.

– Корта и Асамоа всегда друг друга понимали, – говорит Лукас. – Маккензи, Суни и Воронцовы привезли свое богатство с Земли. А мы, Корта и Асамоа, прибыли с пустыми руками и использовали то, что обнаружили. Итак, давай повторим еще раз. Омахене – это...

– Генеральный директор АКА. Меняется по принципу ротации каждые два года.

– В настоящее время?

– Пост занимает Лусика Асамоа.

– Кто она?

– Мать Луны Корты. Была второй женой Рафы Корты.

– Не второй женой. Это подразумевает серийную моногамию. И слово «око» не имеет гендера. Кеджи-око. Параллельная супруга. Ее связь с Лукасиной?

– Он спас какого-то... парня?

– Коджо Асамоа. Во время Лунной гонки.

– Да, я об этом читала. Просто безумие какое-то.

– Вид развлечения, которое я рекомендую самым пресыщенным. Продолжай.

– Коджо Асамоа приходится Лусике Асамоа... племянником? Так или иначе, Лукасиной заслужил право на защиту и воспользовался им, когда сбежал от Денни Маккензи у алтаря. Должна заметить, от ваших брачных обычаев у меня в мозгу искрит.

Нельсон Медейрос, как понимает Алексия, еле сдерживает смех.

– Амории, кольцевые браки, полигамии с любым количеством участников, моногамии любой формы и продолжительности, групповые браки, линейные браки, ходячие браки, браки с призраками ⁶, браки с самим собой... Моя сестра могла бы тебе все объяснить, – говорит Лукас. – Но принцип везде одинаковый. Любовь – это переговоры. Каждый день, каждую секунду. Любовь похожа на дитя. Ее надо направлять, лелеять, взращивать. Наша система соглашений, контрактов и никахов кажется неромантической. Я считаю, это хорошо. Романтика – глупость, болезнь. Любовь живая. Любовь выживает. У нашей системы нет времени на романтику, но она предоставляет целые миры для любви, позволяя ей расти. Мой никах с Амандой Сунь был хорошо спроектирован. Мы оба радовались, что в нем нет обязательств по части секса или интима. Любовь контрактом не предусматривалась. Но он позволял нам искать ее где-то еще.

– Аманда Сунь, которая пыталась лишить тебя воздуха на терминале БАЛТРАНа в Море Изобилия, – напоминает Алексия. – Ну и кто сейчас ударился в романтику?

– Она потерпела поражение, – возражает Лукас. – А нас учили, что Сунь отличаются скрупулезным подходом.

– Их совет директоров показался мне достаточно скрупулезным, – замечает Алексия. «Тайян» был первым из Драконов, кто засвидетельствовал свое почтение новому Орлу в Гнезде Меридиана. Там Алексия, нарушив этикет, нанесла обиду леди Сунь – она знала, что за это придется расплатиться. – Думаю, старая леди уже придумала дюжину способов меня убить.

– Леди Сунь – достойный противник, – говорит Лукас. – Молись, чтобы пережить ее. И даже тогда будь осторожна. Сунь играют с дальним прицелом.

Алексия ерзает на сиденье, воображая ножи, иглы и насекомых-убийц, которые их окружают.

– На что похож открытый вакуум?

Противоположность клаустрофобных ночных кошмаров Алексии, в которых ее запикивают в каменную трубу, такую узкую, что она не может пошевелить ни руками, ни пальцами; сны о том, как она внезапно просыпается обнаженной на поверхности и воздух с беззвучным криком покидает легкие, а между ее кожей и краем видимой Вселенной нет ничего.

– Он ужасен. И прекрасен. Крик жизни, устремленный в ничто. Каждая клетка подвергается безжалостным испытаниям. Лукасинью – лунный бегун. Я не понимал, зачем кому-то может понадобиться такое безумство. Теперь понимаю. В подобные моменты живешь на всю катушку. Ты бывала на поверхности? Надо. Каждого ребенка в десять-одиннадцать лет обучают пользоваться скафандром, ходить по поверхности и смотреть на Землю. Это мудрый обычай.

Подъемник останавливается возле внутреннего шлюза. Лукас дожидается, пока Нельсон Медейрос соберет эскорт.

– Начинаем шоу, – говорит Орел Луны, когда включается механизм шлюза. – Золотой Трон намерен произвести впечатление. Мы сделаем то же самое.

– Я не понимаю, – говорит Алексия.

Дверь открывается.

Алексия, не сдержавшись, изумленно ахает.

Купол представляет собой полусферу шириной в километр, вырубленную из лавового пузыря, лопнувшего четыре миллиарда лет назад во время извержений, затопивших море Спокойствия, но у Алексии захватывает дух не от него, а от дерева. Оно заполняет купол многочисленными ярусами толстых и тонких веток, веточек, листьев. Главный ствол, расположенный в полукилометре от входа, шире и выше Океанской башни. Алексия поднимает взгляд на крону.

⁶ *Линейный брак* – отсылка к роману Р. Хайнлайна «Луна – суровая хозяйка»; *ходячий брак* – разновидность брачно-семейных отношений, существующая у китайской народности мосо; *брак с призраком* – действующая в некоторых странах (иногда закрепленная официально) форма брака, позволяющая стать супругом/супругой усопшего человека.

Каждая ветка могла бы стать стволом другого дерева, каждый прутик – веткой. Листья у этого исполина – размером с ее торс. Ослепительно яркие блики света пляшут в листве; купол оснащен зеркальной магией АКА; панели поворачиваются, находят свет и передают его от зеркала к зеркалу и к новому зеркалу, питая Великое Древо Тве. Листья находятся в постоянном мягком движении и касаются друг друга, заполняя купол безбрежным шелестом. С вершины падает лист – летит сквозь ветви, задевая их: то застревает, то поворачивается, медленно кувыркается, как пловец в воде. Из теней спешит бот. Осторожно ступая по паутине оросительных каналов, прорезанных в полированном каменном полу, он ловит лист, прежде чем тот коснется поверхности. На полу купола множество ботов-уборщиков мечутся туда-сюда. Каналы надо содержать в чистоте: углерод должен быть переработан.

Алексия пытается вычислить массу углерода и воды в данной экосистеме. Хватило бы на город – тысячи жизней воплощены в древесине и листве. Тоннаж вложенного витального материала говорит о могуществе Асамоа. Они хранят жизнь в сердце мертвой Луны.

Котоко ждет в глубоком сумраке листьев, выстроившись по обе стороны низких широких ступеней. Мужчины и женщины в ярких кенте ⁷, одна рука закрыта, другая – обнажена. Над каждым покрытым плечом парит фамильяр, каждая обнаженная рука сжимает посох, увенчанный изображением абуса: вороны, леопарды, собаки, стервятники – все восемь духовных созданий, символизирующих материнские линии. Манинью называет Алексии имена и должности. Социальная и политическая структура АКА приводит ее в замешательство. Наверное, так происходит с любым, кто не Асамоа.

Там, где два крыла встречаются, сидит Лусика Асамоа, омахене АКА. Золотой Трон – простой табурет в виде буквы «пи», вырезанный из бледной древесины самого Великого Древа; он ценнее любого золота. Прическа омахене представляет собой скульптуру – архитектурное сооружение! – из прутьев, перьев и лакированных палочек, увешанных блестящими черными безделицами, похожими на миниатюрные бумажные фонарики. Из тени за Золотым Троном появляются животные: попугай с ярким оперением, карликовый енот, медлительный паук размером с ладонь Алексии. Темное облако на миг материализуется позади головы Лусики Асамоа и исчезает как дым. Рой. Алексия вспоминает прикосновение насекомого-убийцы, созданного Асамоа; вспоминает, как нечто ядовитое ползло по ее коже, а она едва осмеливалась дышать. Она-то считала себя умной, сообразительной и неотразимой, когда обманом пробралась в люкс Лукаса Корты в отеле на пляже Копакабана.

Тогда она ничего не знала.

Каждое из этих животных наделено особым чувством, позволяющим наблюдать за происходящим вокруг, а еще они умеют убивать, проворно и сноровисто.

Енот лижет себе зад.

– Яа Доку Нана, – говорит Лукас Корта. Официальное обращение к омахене.

– Bem-vindo ao Twé,⁸ Лукас Корта, – отвечает Лусика Асамоа.

У Алексии перехватывает дыхание при звуках португальского.

– Лукасинью, – говорит Лукас.

– В безопасности. Стабилизирован. Мы поговорим, Лукас. Советники. – Котоко кивают и берутся за посохи. От проникающего сквозь листья света их узорчатые одежды покрываются пятнами. Нельсон Медейрос уводит из зала эскаль. Как и было оговорено, Алексия остается.

Лусика Асамоа холодно смотрит на нее.

– Моя Железная Рука останется со мной, – говорит Лукас Корта.

⁷ *Kente* – особая разновидность ткани (и одежды из нее), распространенная в Гане: полотно из переплетенных полос яркого цвета, с узорами. Долгое время считалась «одеждой королей», даже сейчас пользуется особым уважением.

⁸ «Добро пожаловать в Тве» (*порт.*).

– Лукасинью в безопасности и стабилизирован, – повторяет Лусика Асамоа. – Но он пробыл без кислорода десять минут. Мозг поврежден.

Рука Лукаса сжимает набалдашник трости.

– Расскажи мне, Лусика.

– Повреждения ужасные, Лукас.

Лукас Корта заметно пригибается: суставы и мышцы слабеют от потрясения. Алексия берет его за руку. Он ее не отталкивает.

– Отведи меня к нему. Пожалуйста.

– Конечно.

Лусика благословляющим жестом кладет Лукасу руку на плечо. Свита животных следует за ней. Паук едет на замысловатом украшении в волосах. В помещение ведут двери, которые Алексия не заметила и даже не подозревала об их существовании. В коридоре ждут работники АКА: они снимают головной убор омахене и куда-то его уносят. Паук перепрыгивает на плечо Лусики Асамоа. Алексия вздрагивает.

Они идут по опустевшим коридорам.

– Сестринство сделало все возможное, но их обитель – не медицинский центр, – говорит Лусика. – Спасательная капсула была повреждена при побеге из Жуан-ди-Деуса.

Алексия слышит упрек в голосе Лусики: ты оставил сына беспомощным в крепости врага. Но ты сделала то же самое со своей дочерью, думает Алексия. Бросила ее среди врагов. Она помнит звонок, когда школьные охранники нашли Кайо в дренажной канаве. Она угрожала водителям, запугивала пешеходов, нарушала все правила дорожного движения, подкупала, вымогала, платила и спала на полу в приемном покое, пока не убедилась, что брат в безопасности. Она разорвала бы Луну надвое, чтобы добраться до него.

Орел, омахене, Драконы: в чем смысл власти, если ее нельзя использовать на благо близких?

– Я дам тебе немного времени, – говорит Лусика Асамоа у входа в медицинский центр. – Луна скоро будет здесь.

Алексия мнется у двери, но Лукас просит ее быть с ним. Он не может остаться наедине с Лукасинью, не смеет; боится, что дисциплина и нужда, которые связывают его воедино, могут ослабнуть, и он рассыплется на тысячу осколков. Затем она видит парнишку на кровати – лежащего в коконе медицинского света, окруженного ореолом механических рук.

Алексия видит густые черные волосы, полные губы, высокие и резко очерченные скулы, складки сомкнутых век, по-бразильски широкий нос и смуглую кожу. Он принц из сказки, пойманный в ловушку чар. Ее *segundo primo*.⁹

Лукас Корта стоит у кровати, глядя на неподвижное святое лицо. Гладит Лукасинью по щеке. У Алексии сжимается сердце. В этом прикосновении столько нежности и боли. Затем в памяти Алексии всплывает религиозный страх из детства, и образ Лукасинью объединяется с ним. Вопреки здравому смыслу, мнению родни и бюджету, тию Рубенс и тиа Сабрина настояли на том, чтобы пожениться в старой иезуитской миссии – длинном и узком склепе со сводчатым потолком, населенном призраками и прочими ужасами. Главным ужасом было мумифицированное тело умершего пятьсот лет назад провинциала¹⁰, хранившееся в стеклянной витрине под алтарем. Рубенс и Сабрина преклонили колени, помолились, принесли обеты, но девятилетняя Алексия не могла отвести взгляд от шатра из костей, обтянутых кожей.

Лукасинью Корта – жуть в стеклянном резервуаре.

⁹ Троюродный брат (*порт.*).

¹⁰ *Провинциал* – должностное лицо в иезуитской иерархии, руководящее деятельностью ордена в определенном географическом регионе (провинции).

– Что ты делаешь, анжинью?

Мадринья Элис выбирала комнату тщательно. Она задрапировала ее любимыми тканями Луны, с изображениями цветов и животных. Выложила пять копий любимого красного платья Луны, в котором та носилась, свободная и дикая, по садам Боа-Виста. Она расставила мебель так, чтобы создать укромные уголки, щели и тоннели, вроде тех, которые девочка с юных лет исследовала в Боа-Виста. Все создано для удовольствий, но Луна сидит на полу посреди комнаты, скрестив ноги, спиной к двери, одетая в то же розовое скаф-трико, что и во время побега из Жуан-ди-Деуса.

– Я работаю над своим лицом, мадринья.

У нее над головой парит сфера размером со сжатый кулак, наполовину черная, наполовину серебряная. Фамильяром Луны всегда было существо, которое носит ее имя, – зеленая, как молодой росток, бабочка сатурния луна.

На полу перед девочкой – поднос с красками для лица.

– Луна?

Она оборачивается. Мадринья Элис не в силах сдержать крик, ее рука тянется ко рту. Одна половина лица Луны – белый злобный череп.

– Сотри эту гадость, пока мама не увидела.

– Мама здесь?

Луна вскакивает.

– Она прибыла десять минут назад.

– Почему она не пришла ко мне?

– Ей нужно встретиться кое с кем, а потом она увидится с тобой.

– С тем, кто любит Лукасинью, – догадывается Луна.

– Твой тиу Лукас приехал, чтобы отвезти его в Меридиан.

– Я хочу к мамайн, – заявляет Луна. Половинчатый лик смерти нервирует мадринью Элис.

– Я тебя отведу, – говорит она. Эта женщина никогда не врет ребенку и не говорит свысока. – Но после того, как ты смоешь с лица краску и наденешь свое красивое красное платье.

– Ни за что на свете. – Луна делает шаг вперед. мадринья Элис, вопреки опыту и долгу, невольно отступает. Она знала Луну раздражительной, дерзкой, угрюмой, истеричной. Но никогда не видела такой холодной решимости и титанового света в темной глазнице лица-черепа. Какое-то неведомое существо явилось из черных зеркал Солнечного пояса, из жара плавающей «Пустельги».

– Анжинью.

– Отведи меня к мамайн!

– Отведу, если ты умоешься и оденешься красиво.

– Значит, я пойду сама, – заявляет Луна и выскакивает в коридор быстрее, чем мадринья Элис успевает развернуть свои старые кости и остановить ее.

Боги, до чего девочка стремительная. Элис догоняет ее у лифта. Платформа падает сквозь колыхание листвы агрария Айду; масса листьев кажется черной в розовом свете, стимулирующем рост. Команды техников АКА все еще отлаживают взломанные во время осады лунные бульдозеры и постепенно сдвигают насыпи из реголита с крыш трубоферм. Понадобятся месяцы, чтобы поврежденные экосистемы снова расцвели в полную силу. В этом же свете скаф-трико Луны почти флуоресцирует. Девочка уже вызвала моту: машина закрывается как бутон, пряча Луну и Элис, и снова открывается рядом с медцентром.

Бестиарий Лусики Асамоа предшествует ей: рой, птица с ярким оперением, хитрый паук размером с ладонь. Девочка в восторге аплодирует. Она никогда раньше не видела хранителей своей матери. Существо, незнакомое Луне – толстенькое, но проворное, с полосатым хвостом

и ловкими лапами, – садится и смотрит на девочку. На лице у него что-то вроде полумаски. Луна присаживается, чтобы заглянуть ему в глаза.

– Ух, а ты что такое?

– Енот. А вот кто ты? – спрашивает Лусика Асамоа. – Теперь ты Леди Луна?

Животные послушно остаются у дверей реанимации.

Луна сперва видит руки. Руки в полумраке. Изысканные многосуставчатые руки медицинских ботов, чьи длинные пальцы погружены в собственные руки Лукасины и его горло. Сенсорные манипуляторы распростерлись над его головой, будто благословляя. Рука дяди кажется темной в медицинском свете; ладонь легко касается груди Лукасины, поднимаясь и опускаясь в такт дыханию.

– Уведи ее отсюда, – говорит Лукас, не глядя.

– Лукас... – начинает Лусика.

Дядя поворачивается к Луне.

– Он отдал свой последний воздух тебе, – говорит Лукас. – Ради тебя.

Луна чувствует под маской ярости слезы. Не здесь, не перед ним. Из-за него она никогда не расплатится.

– Не смей так разговаривать с моей дочерью! – взрывается Лусика Асамоа, и Луна чувствует руку на плече: мадрина Элис разворачивает ее и уводит в коридор. Дверь закрывается, отсекая крики; девочка такое слышала, когда пряталась в служебных туннелях Боа-Виста, известных лишь ей, – когда ее майн и пайн ругались, думая, что их слышат только машины.

– Все в порядке, корасан, – говорит мадрина Элис. Она прижимает Луну к себе и гладит по волосам.

– Ничего не в порядке, – шипит Луна в живот мадрины. Каждая мышца в ее челюсти и горле напряжена. Лицо горит от унижения. В ушах раздается тонкий свист: так бывает, когда приказываешь себе не плакать. Любопытный енот подбирается ближе. Луна поворачивает к нему белую половину лица и оскаливает зубы. Зверек отскакивает, расстроенный.

– Не сотру, – заявляет Луна зверьку с «маской» на мордочке. – Пока все не будет в порядке. Это теперь мое лицо.

Она садится на корточки и протягивает руку к подозрительному существу. Енот склоняет голову набок. Луна щелкает пальцами, подзывает, цокает языком – Элис говорила ей, что так приманивают хорьков. Енот крадется, но замирает на границе досягаемости.

– Ну, иди сюда, – говорит девочка и делает полшага вперед. Енот сперва шарается, а потом начинает обнюхивать ее пальцы. – Прости, что напугала тебя.

Две маски обращаются друг к другу.

Помещение заливают розовый свет; подняв глаза, он видит машины, которые сметают с крыши остатки лунной пыли.

Лусика Асамоа приносит два мартини из скромного бара. Апартаменты в двух шагах от медицинского центра, но целый мир отделяет их от тихих шипящих машин, чьи движения осторожны, полны нежности и изыска. Лусика Асамоа сбросила обличье омахене, но могущество Золотого Трона по-прежнему окружает ее, как аромат духов. Лукас молча берет предложенный бокал.

– Извинись, – говорит Лусика.

– Я не должен был так разговаривать с Луной.

– Она несла его три километра до Боа-Виста.

– Прости.

– Ей это скажи.

– Скажу.

Лукас пробует мартини. Хороший мартини должен быть таким, как поверхность Луны: холодным, сухим, бескомпромиссным, опасным. Строгим и красивым.

– Вылечи его, – говорит Лукас Корта.

– Мы не можем.

– Помоги ему.

– Лукас, повреждения катастрофические. Мы восстановили его вегетативную нервную систему и крупную моторику, но ему придется научиться ходить, говорить и есть самому. Все, кем он был, исчезло. Он опять ребенок – младенец. Чтобы стать Лукасиной Кортой, ему придется всему учиться заново. И мы не знаем, как это сделать.

Рука Лукаса дрожит. Он ставит почти нетронутый бокал на стол.

– Вы АКА. Вы ломаете ДНК и заставляете ее подчиняться вам. Вы черпаете жизнь из сердца Луны.

– То, что ему нужно, превосходит наши возможности, превосходит чьи бы то ни было возможности. На этой стороне Луны.

– Университет может что-то предложить?

Сила прочнее всего стоит на трех ногах, как учила Адриана Корта своих детей. Корпорация по развитию Луны и Пять Драконов были двумя опорами лунного порядка; однако существовала третья, самая старая и едва различимая, о которой постоянно забывали. Университет Невидимой стороны. Пока роботы Роберта Маккензи просеивали и плавил реголит в Океане Бурь, ища редкоземельные элементы, на другой стороне Луны машины консорциума университетов, от Калтеха до Шанхая, плели ленты из полимеров с диполями через кратер Дедала. Пока директора «Тайяна» бежали из Китая, чтобы присоединиться к своим роботам, добывающим лед и ископаемый кометный углерод в Бассейне Южного полюса, на другой стороне Луны Калтех и Массачусетский Технологический копали туннели и обиталища для постоянного исследовательского поселения, свободного от вмешательства земных государств и идеологов. Пока маглев-пути ВТО охватывали полюса и тянулись на обратную сторону, новый университет заключил контракт на строительство и запуск с Воронцовыми, связанный с миссиями в глубоком космосе, и одновременно выстроил и запустил судебный процесс против той же ВТО, чьи стремительные поезда мешали обсерватории в кратере Дедала заниматься наблюдениями. Был основан Суд Клавия, а вместе с ним – юридический факультет университета.

Двое рабочих из Аккры создали АКА и воздвигли империю света, жизни и воды: на другой стороне Луны построили защищенные лаборатории патогенов, разместив их глубоко под кратером Пуанкаре, за чередой шлюзов и герметичных дверей. Адриана Корта смотрела, как уменьшается оставшаяся позади Бразилия на экранах орбитального транспортника; на другой стороне Луны кабели «лунной петли» посылали капсулы в хранилища под Морем Восточным, чтобы сберечь генетические богатства Земли, в безопасности и вдали от разрушенной биосферы планеты.

У него никогда не было официального названия. Университет Невидимой стороны – прозвище, хотя оно, как все лучшие клички, точное. Его туннели и трамвайные пути, гиперлупы и фуникулеры покрывают пятьдесят процентов обратной стороны Луны. По одним меркам, это самый большой город в двух мирах, по другим – мать всех пригородов. Он раскинулся по всей Луне через свои коллоквиумы, учебные группы и микроколледжи, но его сердце, дом, не видит Землю, потому что перед ним раскинулась Вселенная. Это передовой научно-исследовательский центр двух миров, яростно защищающий свои богатства и независимость. Это третья сила, скрытый клинок. Орел и Драконы давно научились не испытывать терпение Университета.

– Есть новые разработки в области 3D-печати белковых чипов, – говорит Лусика. – Искусственные нейроны, программируемые наноматериалы.

– Они могут восстановить поврежденное?

– Могут, но им понадобится доступ к его воспоминаниям.

– Но ты сказала, что повреждения...

– Их восстановят, опираясь на внешние источники. Его фамилляр, сетевой след и еще люди: друзья, семья.

Лукас Корта смотрит через открытую щель окна на окрашенную в розовый буйную растительность трубофермы Йебоа. Он чувствует влажное тепло всей кожей. Земля была такой плотной и влажной, за каждый вдох приходилось воевать с жарой и силой тяжести. Он пробует на вкус плодородие, силу листьев и жизни. Жуан-ди-Деус и Боа-Виста лежат под *Maie Fecunditatis*, Морем Изобилия. То место лучше подошло бы для Тве. Моря Изобилия, Спокойствия, Ясности, Нектаров, Паров, Дождей. Моря лжи, селенологической и эмоциональной. Море Холода, море Кризисов, океан Бурь – моря истины.

Лукас Корта ясно видит опасность. Узнает ли он сына, который вернется с обратной стороны? Что Лукасинью будет знать о нем?

– Я хотел взять его с собой в Меридиан, – говорит Лукас.

– Это недопустимо.

– Это для них. Ты ведь понимаешь? Все, что я сделал, – для них. Я хочу, чтобы мы все вернулись.

– Я понимаю, Лукас.

– Неужели? Отведи меня к нему, мне надо снова его увидеть.

– Конечно.

На третьей ложке подтаявшего льда Луна решает, что гранита ¹¹ из матча, кардамона и клубники – не такая хорошая идея, как ей представлялось.

– Матча, кардамон и клубника, – говорит хозяин кафе «Квае», стараясь не таращиться на лицо девочки – на лик Леди Луны.

– Матча, кардамон и клубника.

Матча, кардамон и клубника не сочетаются, но экспериментаторша не собирается это демонстрировать хозяину и старательно уплетает ложку за ложкой, стремясь достичь дна. На двухсантиметровой отметке она замечает, что в кафе никого не осталось, кроме хозяина и мадрины Элис.

Еще две ложки – вот и хозяин исчез.

В кафе «Квае» врывается рой насекомых и делает круг под низким потолком, словно дым, а потом сливается в жужжащий шар, повисший над автоматом по продаже воды. Потом влетает попугай и садится на край прилавка, следом появляется енот с ловкими лапами, и наконец ее мать с пауком-ананси на плече.

– Ну как, вкусно? – Лусика Асамоа смотрит на бокал с гранитой и талую воду в верхушке перевернутого конуса, куда ложечкой не дотянуться.

– Хочешь попробовать? – Луна погружает ложечку в розовую жидкость.

Лусика пробует растаявший лед.

– Я чувствую клубнику, кардамон... это матча?

– Тебе нравится?

– Честно?

– Честно.

– По отдельности было бы вкусно...

– Но вместе – нет.

Лусика Асамоа бросает взгляд на мадрию Элис, и та уходит.

– Можно потрогать твоего паука? – спрашивает Луна. – Он трикстер, как Ананси?

– Она не трикстер, но у нее есть суперсила. Луна, Лукасинью пострадал сильнее, чем мы думали.

– Но он ведь будет жить?

¹¹ Гранита – разновидность десерта (колотый фруктовый лед с сахаром).

– Будет. Но он все потерял. Не может ходить, есть и говорить. Анжинью, если бы он тебя увидел, не узнал бы. Мы не в силах помочь ему здесь. Он должен покинуть Тве.

– И куда он поедет?

– На обратную сторону.

Девочка слышала о другой стороне Луны, где никогда не восходит Земля и в небе только множество звезд, но все это так же далеко от каменных морей, горных хребтов и кратерных полей ее родной стороны, как верхушка лунного пирога от его доньшка. Она знает, что мир круглый и железные дороги ВТО огибают его, уходя туда-сюда, но он ощущается не таким, а плоским как диск. И если кто-то собрался на другую сторону, ему придется совершить волшебное путешествие сквозь Луну, а толщины в ней – миллионы метров или, может, миллиметров. Противоположные стороны одного и того же, но более далекие, чем голубая Земля.

– На обратной стороне его вылечат?

– Они попытаются. Они ничего не могут обещать.

Луна отодвигает бокал с гранитой и кладет руки ладонями на стол.

– Я отправлюсь с ним.

– Луна.

– Он вел меня со станции Лаббок к Боа-Виста. За нами гнались боты и Маккензи, мы заблудились на стекле, у меня в скафандре появилась дырка, и он отдал мне свой воздух, и был со мной до конца. Я его не брошу.

– Анжинью.

– Это слово моего пайн, – говорит Луна. – Это слово Корта. Я не хотела ехать в Тве.

– Я не понимаю, любовь моя.

Луна наклоняется вперед.

– После вечеринки в Боа-Виста. После праздника в честь Лунной гонки, когда кто-то попытался убить пайн. Ты забрала меня в Тве. Я не хотела ехать. Боа-Виста – мой дом.

– Баа ¹², там было небезопасно.

– Там дом.

– Баа, Боа-Виста больше нет. Ты же знаешь. Ты видела.

– Боа-Виста – мой дом, а Рафа Корта – мой пайн. У меня клинки тиу Карлиньоса. Ты Асамоа, но я Корта.

Все животные наблюдают за ней. Даже рой, зависший на краю поля зрения и, кажется, принявший форму глаза.

– Луна...

Девочка устремляет на свою мать взгляд, полный льда и стали.

– Я Корта?

– Да, верно.

– Я истинная наследница «Корта Элиу», – объявляет Луна.

– Луна, не говори так.

– Но это правда. Вот почему я ношу это лицо. Это мое лицо Корта. Вот почему мне надо отправиться с Лукасиной. Я должна о нем позаботиться. Я должна позаботиться о семействе Корта. Я должна отправиться на обратную сторону.

Лусика Асамоа вздыхает и отводит взгляд; охранники-животные вторят ей.

– Ну, ладно, иди с ним. Правда, есть одно «но».

– Какое?

– Элис отправится с тобой, – говорит Лусика.

– Договорились, – отвечает Луна.

Она этого ждала: омахене не сдастся. Омахене ведет переговоры.

¹² Девочка (*чви*; наречие языка *акан*).

Рой плавно струится к двери. Птица взлетает, енот потягивается и легким шагом уходит прочь. Паук-трикстер продолжает цепляться за плечо Лусики Асамоа. Она улыбается.

– Ты Корта, но ты всегда будешь Асамоа, – говорит Лусика. – Золотой Трон присмотрит за тобой.

«Гроб» будут транспортировать по железной дороге. Компания уезжающих и провожающих собирается на специальной платформе станции Тве. Алексия насчитывает двадцать человек: Орел и его эскольты; омахене со свитой из «черных звезд» и животных; Луна Корта, бережно несущая деревянный ящик, и ее мадринья; и парнишка в капсуле жизнеобеспечения. Университетская автомотриса выезжает из туннеля, пересекает стрелки и останавливается за перегородкой из бронированного стекла со шлюзами. Те сцепляются и открываются.

На платформу выходит высокая женщина средних лет со светло-карамельной кожей и выющимися волосами, собранными на затылке и уложенными под стильной федорой. Фамильяр Алексии сообщает ей каждую деталь: строгий костюм – от «Цукерман и Краус»; карманы с полосатой отделкой, пуговицы большого размера, плечи широкие, талия узкая. Ее сумка – цилиндрическая модель 1949 года от «Джозеф», туфли – «оксфорды» на трехсантиметровых каблуках, со шнурками-ленточками. Помада – убийственно-красная, швы на чулках настоящие. Фамильяр представляет собой пересекающиеся круги, белый и голубой: Земля, восходящая за Луной, – перспектива, которая открывается лишь с обратной стороны. Манинью не упускает ни одной детали, за исключением того, кто она такая.

– Я Дакота Каур Маккензи, гази из Университета Невидимой стороны, факультет биокibernетики, школа нейротехнологии.

Слышно, как среди эскольт Лукаса Корты и «черных звезд» АКА кто-то тихонько ахает и меняет позу. Вот и ответ на один из вопросов Алексии. Она – Маккензи.

– Доктор Маккензи, – говорит Лукас Корта. Алексия Корта бросает на него взгляд. Она расслышала в голосе босса враждебность. От гази это тоже не ускользнуло.

– Какие-то проблемы, сеньор Корта?

– Я бы предпочел...

– Кого-то другого? – говорит женщина. Чем бы ни был на самом деле пост, именуемый «гази», он наделяет эту Маккензи достаточной харизмой и авторитетом, чтобы все прочие на платформе почувствовали себя неловко. Железная Рука, Орел Луны, даже омахене: они словно дети, которые придумали себе титулы, играя в супергероев.

– Да, – говорит Лукас.

– Вам известно, что каждый гази связан обетами, – говорит женщина. – Независимость, беспристрастность, преданность делу, дисциплина.

– Мне это известно, доктор Маккензи.

– Сомневаетесь в моей верности, сеньор Корта?

Эскольты и «черные звезды» напрягаются. Руки тянутся к скрытым кобурам. Животные Лусики Асамоа беспокоятся.

«Манинью, расскажи мне все про гази», – беззвучно бормочет Алексия своему фамильяру.

«Гази – ученые-рыцари Университета Невидимой стороны, – шепчет Манинью на ухо Алексии. – Каждый из них прикреплен к определенному факультету в качестве его агента и уполномочен совершать любые действия, которые сочтет необходимыми для защиты независимости и неприкосновенности данного факультета. Доктор Маккензи вполне способна убить всех присутствующих людей и животных».

«В этом костюме?» – спрашивает Алексия субвокально.

«Костюм легко снимается, – говорит Манинью. – И она может читать, что ты мне говоришь, по микродвижениям твоих челюстных мышц».

– Вы же понимаете, что он мой сын, – говорит Лукас Корта.

– Мы воспользуемся ради его блага нашими лучшими исследованиями и навыками, – отвечает Дакота Каур Маккензи. – Не сомневайтесь в этом, Лукас.

Манинью заполняет линзу Алексии статьями про университетских гази – ниндзя-преподавателей с лицензией на убийство, интеллектуальных супергероев, – но ее больше интересуют эмоции Лукаса Корты, проглядывающие сквозь его крепостные стены. Он похоронил эти эмоции глубоко и защитил надежно, как лунные города, но дюжина подсказок сообщают Алексии о недоверии, беспомощности, надежде, застарелом гневе. Он у этой Маккензи в руках.

– Сделайте его снова целым. Верните его мне.

– Обязательно, Лукас.

Напряжение спадает, руки отдаляются от клинков, звучат облегченные вздохи. Енот садится и начинает умываться, птица чистит перышки.

– Спасибо.

«Черные звезды» Лусики Асамоа затаскивают капсулу в автомотрису.

– Я тоже еду, – говорит Луна Корта и протискивается мимо гази. Лусика Асамоа, потеряв самообладание, бросается вперед и подхватывает дочь на руки.

– Ах, Луна, Луна, Луна... – говорит она, зарываясь лицом в волосы девочки. – Веди себя хорошо, будь осторожна, поняла? И ты будешь связываться со мной каждый день, так? – Повернувшись к мадрина Элис, она прибавляет: – Мне нужны ежедневные отчеты.

Мадринья кивает и заводит Луну в автомотрису.

– Кто-нибудь еще? – спрашивает гази.

Шлюз закрывается, автомотриса отстыковывается и в мгновение ока исчезает в туннеле.

Алексия обнаруживает, что к ней вернулась способность дышать.

– То, что ты сделала со своим лицом... – говорит гази. Автомотриса разгоняется до крейсерской скорости. Размытое пятно света летит навстречу: регулярный рейс из Жуан-ди-Деуса. Никаких скачков давления, шума, вибрации: автомотриса едет по маглев-путям в абсолютном вакууме. Мадринья Элис уже спит в носовом отсеке, рядом с Лукасинью. – Мне это нравится.

Луна фыркает. Мадринья Элис всхрапывает, просыпается и тут же снова проваливается в сон.

– Что в твоём ящике? – спрашивает Дакота.

Сундучок с клинками семейства Корта лежит на мягком сиденье между гази и девочкой.

– Ты не обязана пытаться разговорить меня, – говорит Луна. – Я могу сама себя развлечь.

– Мне просто интересно – вот и все, – отвечает Дакота. – Видишь ли, в обществе, которое не придает вещам никакого значения, ты решила взять это с собой.

– Ты правда хочешь узнать, что внутри?

– Хочу.

Луна открывает ящик и наблюдает за реакцией. На лице Дакоты не вздрагивает ни один мускул.

– Теперь ты впечатлила меня дважды, Луна Корта.

– Это боевые ножи моей семьи, – говорит Луна.

– Они превосходны, – отвечает Дакота Маккензи. – Метеоритное железо.

– Да! – Луна сердится, что гази опередила ее рассказ. – Его добыли глубоко под кратером Лангрэн. Сестринство Владык Сего Часа берегло клинки, пока не появится Корта – смелый, великодушный, лишенный алчности и трусости, который сразится за семью и отважно ее защитит. Это была я.

– В самом деле, – говорит Дакота Маккензи. – Могу я попробовать?

– Нет, – отрезает Луна. Пыл и сила ее голоса вынуждают Дакоту отпрянуть. – Ни один Маккензи не коснется их снова.

– Ты произнесла «снова», и у меня возник вопрос.

– Последний Маккензи, который к ним прикоснулся, убил моего тию. Это означает «дядя».

– Я говорю по-португальски.

Луна переключается на наречие сантиньюс.

– Твой кузен Денни Маккензи украл их и убил моего дядю Карлиньоса. А потом вы все украли у нас Жуан-ди-Деус.

Дакота Маккензи отвечает на португальском, с безупречным акцентом Жуан-ди-Деуса:

– Я никак не связана с Денни Маккензи.

Луна шипит.

– Я гази из Университета Невидимой стороны.

Девочка откидывается на спинку сиденья. Мимо проносится какой-то поезд.

– И что такое «гази»?

– Давным-давно Университет Невидимой стороны понял, что политические фракции всегда будут рвать его на части.

– Я уже слишком взрослая для сказок на ночь.

– Думаешь?

– Да. И я все знаю про политические фракции.

– Драконы, старая Корпорация по развитию Луны и новая Уполномоченная лунная администрация, земные государства – все хотят контролировать нас, но, что еще важнее, плоды нашей деятельности. Мы разработали устройства и технологии, которые стоят миллиарды. У Университета три главных источника финансирования: студенческие взносы, лицензии на изобретения, поддержка частных спонсоров и консорциумов.

– А я знаю про консорциумы, – говорит Луна. – Ты не ответила на мой вопрос.

Дакота улыбается, довольная:

– Гази – тот, кто защищает Университет Невидимой стороны от тех, кто хочет его уничтожить, захватить контроль, исказить его суть или украсть секреты. Поначалу мы пользовались услугами наемников или привозили охранников с Земли, но качество их работы оставляло желать лучшего, а лояльность вызывала подозрения.

– Всегда лучше иметь дело с преданными людьми, – замечает Луна.

– Мы тоже так считаем. Существует девяносто девять гази, потому что нам нравится число. Мы представляем каждый из факультетов и кампусов. Все рождены на Луне. Служим десять лет, и на протяжении этого времени нам нельзя ни заключать договоры о партнерстве, ни заводить детей. Мы отрекаемся от наших семей и прошлого, даем торжественные клятвы Университету. Многие пытаются стать гази, но немногим это удается. Процесс отбора суров. У каждого из нас образование на уровне по меньшей мере докторской степени, у многих квалификация выше. Как защищать Университет, не принимая участия в его интеллектуальной жизни? Тогда мы были бы наемниками. Полицейскими.

– Полицейскими? – переспрашивает Луна.

– Это земной термин, – говорит Дакота. – Мы проходим суровую физическую подготовку. Каждый учится владеть определенной разновидностью оружия и боевому искусству, для которого оно не требуется. Физическая и оружейная подготовка длится столько же, сколько академическая учеба. Ваши защитники и рубаки хвастаются, что обучались в школе Семи Колоколов. Это хорошо, но любой гази умеет больше. Нас учат подмечать мельчайшие детали, осуществлять скрытые психологические манипуляции, исследовать, собирать информацию и проводить тайные операции. Мы изучаем все основные лунные языки – назубок, без помощи сети, – а также овладеваем психологическими и профессиональными навыками. Мы учимся программированию, хакерству, системной инженерии. На Луне или над ней нет ни одного транспортного средства, которым я не смогла бы управлять, включая эту автомотрису. Мы умеем создавать собственные наркотики, яды, галлюциногены. Нас учат соблазнять и подда-

ваться соблазну, использовать секс в качестве оружия против любого партнера, с любым гендером или без такового. Я могу прожить семь минут без кислорода. Во многих отношениях, Луна Корта, я пришла прямиком из ада.

На востоке лежат низкие столовые горы, отбрасывая длинные вечерние тени на виадук, по которому автомотриса взбирается на серую возвышенность.

– Можно взглянуть на твой нож? – спрашивает Луна.

– Конечно.

Дакота небрежным жестом расстегивает пиджак. Ножей у нее два, в быстро открывающихся ножнах.

– Хочешь попробовать? – спрашивает гази.

Девочка качает головой.

– Так было бы неправильно. Это твои клинки.

Дакота застегивает пиджак. Свет струится в узкие окна, когда автомотриса выходит из туннеля Тве на Первую Экваториальную.

– Тебе приходилось убивать?

– Ни разу. Большинство из нас никогда не участвуют в боевых действиях. В основном мы предотвращаем промышленный шпионаж – гораздо эффективнее разоблачить внедренных агентов и обратиться в суд на Луне или на Земле. Карманы у нас глубокие. Мы имеем право применять смертоносную силу, если сочтем это необходимым, но в основном просто пугаем людей.

– И часто это срабатывает?

– Я напугала твою мать. И твоего дядю.

Луна обдумывает услышанное.

– Да. Понимаю. И землян, и Железную Руку дяди.

– Но не Луну Карту.

– Я шла по стеклу с Лукасиной. Вот это было страшно.

– Не могу сказать, что испытывала подобное.

– И, по-моему, мой тиу испугался того, что ему пришлось отпустить Лукасинью с кем-то из Маккензи.

– Все гази отрекаются от старых семей, когда клянутся служить Университету.

– Тиу Лукас говорит, семья – это все. Если у тебя нет семьи, ты ничто.

– У меня есть семья, – возражает Дакота. – Огромная, замечательная семья, которая любит и заботится обо мне, и ради ее защиты я пойду на что угодно. Просто это другая семья. Мы все выбираем наши семьи.

Луна вспоминает, как сидела в кафе с матерью, животными и неудачной гранитой. Она сказала: «Я наследница „Корта Элиу“». Гази права – Луна выбрала свою семью.

Автомотриса спускается с возвышенности на темное дно Моря Изобилия – в самое сердце владений Корта. Первая Экваториальная пересекает солнечную полосу: белые пути на фоне черноты, которая темнее базальта на морском дне. Луна успевает заметить вдалеке высокие сигнальные мостики комбайнов, добывающих гелий-3, которые возвращаются на станции техобслуживания, «рога» установки БАЛТРАНа, башню терминала «лунной петли», расположенного в Море Изобилия. Вот они миновали – быстро! – армию служебных машин, занятых восстановлением Боа-Виста. Тарелки и солнечные батареи, доки и шлюзы, иные постройки Жуан-ди-Деуса на поверхности мелькнули и исчезли. Теперь Луна Корта оказалась там, где никогда не была, оставила позади вехи своей жизни, едет на восток от Моря Изобилия, оглябая плечо Луны, чтобы попасть на другую сторону.

Глава четвертая

– Остановись, – приказывает она машине. – Ох, останови, останови, пожалуйста.

Машина паркуется на обочине, вплотную к деревянным перилам.

– Ну, что еще? – спрашивает Мелинда, ее ассистентка.

Мелинда была угрюмой компаньонкой на пути из города: мчащимся облакам и легкому дождю, который то и дело сменялся внезапными проблесками солнца, деревьям и шоссе она предпочитала свою линзу и сетевую вселенную других людей. Ее задача – привезти лунную женщину домой, обустроить, вернуть.

– Смотрите.

В тенистых зарослях виднеются лоси: две самки и детеныш, моргая, опасливо выходят на свет. Они пересекают луг, направляясь к дороге: детеныш держится рядом с матерью. Остальное стадо едва угадывается под сенью леса, где подрагивает что-то темное. Разведывательный отряд пробирается через пролом в заборе и останавливается на грунтовой дороге, подняв головы и раздувая ноздри.

Она приказывает опустить окно. Прямой нефильтррованный солнечный свет обжигает руку, когда она кладет ее на дверь. Она чувствует запах. Она чувствует запахи давно высохшего навоза и едва подсохшей земли, обоняет недавний дождь, смолы, листья, реку, свет, воздух долины.

– Поосторожнее с солнцем, – говорит Мелинда. – Да, я знаю, такой климат, но вы обгораете очень уж легко.

– Эй, – шепчет она. Лоси резко поднимают головы. – Привет, ребята...

Лосиха-мать встает между машиной и детенышем. Позади нее малыш и вторая самка уходят с проселочной дороги вдоль канавы, в заросли. Мать ждет, а потом, убедившись, что машина и пассажирки не представляют угрозы, рысью убегает к деревьям.

– Каждый год в это время они спускаются с горы. Чувствуют, что там, наверху, начинается осень. Иногда они проходят мимо дома; такие ручные, что можно оставить яблоки на перилах крыльца, и они их съедят, пока ты будешь сидеть в кресле и наблюдать.

Она поднимает оконное стекло. Автомобиль трогается с места. Дорога – череда внезапных поворотов под прямым углом, очерчивающих границы старых полей и ферм. Ферм давно нет, лес год за годом отвоевывает их территории. В грунтовой дороге появляются колеи, а потом она превращается в полосу зелени. За новым поворотом – проседающий деревянный мост, и подвеска автомобиля стучит достаточно громко, чтобы Мелинда отвлеклась от соцсетей, а потом они проезжают через рощу близко растущих деревьев, которую все дети называют Городом Призраков. На ветвях ветшает дюжина разновидностей духовных исканий: сломанные обручи ловцов сновидений, обрывки старых молитвенных флагов из горных буддистских храмов, потрепанный ветроуказатель в виде рыбы. Она слышит глухой стук бамбуковых ветряных колокольчиков. На ветках мало иголок. Неторопливая засуха не дает деревьям передышки. Машина в последний раз поворачивает под прямым углом – и появляется дом, притаившийся среди хозяйственных построек и сараев на широком основании, с видом на долину и перевалы высоко в горах.

А вот и собаки. Одну она не знает: псина выбегает навстречу машине, захлебываясь возбужденным лаем. Старый Ханаан ковыляет на негнувшихся лапах, запрокинув голову, тявкает. И дом, ее дом, будто прячется, робея, за своими верандами, пристройками и насуспенной крышей. Дождемер на фронте с дымовой трубой; самая высокая отметка – в верхней части окна ее бывшей спальни. Мох и расколотая серая черепица. Флюгер в форме касатки.

По пути от трассы 101 она в глубине души надеялась на знамена, желтые ленты и родных, которые выйдут навстречу рука об руку. Собаки сопровождают машину мимо качелей, откуда

открывается лучший вид в двух мирах: от верхней части долины до горных пиков. Здесь они качались с Кесси, а лоси осторожно пробирались к реке, и вечерний свет озарял снега. Снега больше нет. Его уже много лет нет. Машина подъезжает к крыльцу, и она вздрагивает от взрывов. Клубы дыма, резкие звуки. Уи-и-и, тыдыщ. Фейерверк: эпическая встреча.

Кажется, кто-то выбегает из-за угла веранды – человек, запустивший фейерверки, – а потом двери распахиваются, и вот они все: Кесси и ее дочери, Оушен и Уивир. Скайлер едет из Джакарты. Мамы не видно. Они спешат вниз по ступенькам, окружают машину, машут; к звукам их голосов примешивается возбужденный лай собак.

Двери автомобиля открываются. Мелинда вытаскивает инвалидное кресло из багажного отделения и раскладывает его. Дюжина рук соревнуется за ручки, чтобы провезти ее в кресле по пандусу. Она когда-то сама заказала этот пандус для мамы.

– Оно электрическое! – кричит она, но они лишь галдят громче и катят ее вверх, на веранду. Пахнет горячей древесиной, старым пачули, травкой и чесноком. Все кричат, машут руками и спрашивают, нужно ли ей что-нибудь; все говорят или пытаются ей что-то показать.

Даже Мелинда улыбается.

– Эй, эй! – Она вскидывает руки. – Жезл оратора не у вас. Он у меня! Я вернулась с Луны!

Марине и в голову не приходило, что блаженство может ее убить. Неловкий шаг в условиях суровой гравитации, увеличение сердца, разрыв сосуда, какая-нибудь земная болезнь, превращающая легкие в слизь, – все это могло бы стать ее концом – но не чистейший экстаз от чашки кофе.

– Два года, – шепчет она. – Два года.

Первый глоток – меч архангела, пронзающий язык, обоняние и слюнные железы, чувство места, времени и гармонии. Второй глоток – обломанный обсидиановый стилет Сатаны. Кислота, горечь, кофеиновый удар под дых, дрожь по телу и смутная тень паранойи.

– Боже, как я по тебе скучала.

– Что вы там пили?

Марина и Оушен сидят на северной веранде, с той стороны дома, откуда открывается вид на горы. Ультразвуковой отпугиватель гонит прочь кусачих насекомых.

– Чай, – говорит Марина. – Мятный чай.

– Иисусе.

Марина ожидала увидеть дом, который станет больше и лучше, который отремонтируют и обновят; она ожидала увидеть какие-то свидетельства того, что деньги, присланные с Луны, потратили с пользой. Мох стал гуще, водосточные желоба окончательно забились, оконные ставни распались, крыша провисает ниже, чем в ее последних воспоминаниях. И сеть по-прежнему работает кое-как. Когда Оушен и Уивир повезли ее на экскурсию в инвалидном кресле, она ощутила горькую обиду. Дом вступил в ту фазу существования любого жилища, когда оно становится памятником самому себе. А потом Оушен открыла дверь в мамину комнату – и Марина поняла, куда ушли деньги.

Кровать с системой жизнеобеспечения, медицинские мониторы и терапевтические машины, тощий бот, грохочущий по отполированным ступнями доскам пола, – все было лунного качества.

– Вы не могли бы... – Оушен уловила намек, но десятилетняя Уивир не понимала взрослых тонкостей. – Уивир, ты не могла бы оставить нас на минутку?

Марина, маневрируя, заехала в кресле в узкое пространство между кроватью и стеной. По другую сторону кровати стояла инвалидная коляска матери. Подлокотники и сиденья серебрились от пыли. Насосы системы жизнеобеспечения ритмично двигались, трубки изгибались.

– Мама.

Марина подумала, что мать спит, повернувшись на правый бок, но изголовье кровати приподнялось. Ее мама перевернулась на спину и одним глазом посмотрела на Марину.

– Малышка Май.

Марина надеялась, что переросла детское прозвище.

– Мама...

– Ты в моем кресле. Почему ты в моем кресле?

– Это мое кресло. Твое вон там.

– А-а. Да. Почему ты в моем кресле?

– Я вернулась, мама. Вернулась, чтобы остаться.

– Ты училась в университете...

– Я потом уехала. На Луну, мама.

Мама смеется надтреснутым смехом, исходящим откуда-то из расплавленных легких, и поднимает руку, словно желая отогнать нелепую идею как надоедливое насекомое. В этой кровати она выглядит крошечной, словно кукла, сделанная из кожи. Трубки хуже всего. Марина не в силах второй раз взглянуть на места, где они впиваются в ее тело. «Руки» медицинских машин увешаны флажками, вышитыми китайскими амулетами и пучками сухого шалфея для окуривания, седыми от пыли. Пачули и ладан, ароматы полудюжины баночек с эфирными маслами.

Марина берет ее за руку. Та легкая и сухая, как осиное гнездо. Ее мать улыбается.

– Но теперь я вернулась, мама. Я приехала, чтобы восстановить силы. Чтобы вернуться с Луны, нужно многое отдать. Я дошла до предела. Мне нельзя переусердствовать, нельзя напрягаться. Врачи говорят: я не должна вставать на ноги еще месяц. Но я говорю – к черту все, хочу обнять маму.

Марина мысленно отрепетировала движение по дороге домой, в машине. Она напрягается, смещает свой вес, чтобы максимально облегчить трюк. Убирает ноги с подножки, опирается на них. Собрать все силы, какие есть. Двигаться корпусом. Встать. И... Земля внезапным рывком тянет ее к себе. Руки дрожат, ноги подкашиваются. Она валится боком на кровать и ложится на спину рядом с матерью.

– Не очень хорошо вышло...

Она хватается ртом воздух. Собственный вес выдавливает его из легких. Марина с трудом переворачивается на бок. Что-то внутри нее рвется, смещается.

– Привет, мама.

– Привет, Май.

Мама улыбается. От ее зубов такой запах, словно она гниет изнутри.

– Кажется, я застряла.

Кесси заглядывает в комнату, чтобы проверить, как ее подопечные, и поднимает тревогу. Руки родных возвращают Марину в кресло.

– Кофе? – предлагает Кесси.

– О боже, нет, – говорит Марина. – Хватит одного. Я и так не буду спать целую неделю.

– Вина?

– У нас обычно пьют коктейли, – говорит Марина.

Кесси приносит бутылку, открывает. Пробка: ностальгический скрип и негромкий хлопок. Звенят бокалы, красное вино быстро льется под действием земной силы тяжести.

– Оканоган, – читает Марина надпись на этикетке. – Я и не знала, что так далеко на севере выращивают виноград.

Она смакует первый глоток, растягивает удовольствие, словно разматывая рулон превосходного шелка.

– Еще одна вещь, которой нет у нас, на Луне.

– А что у вас есть? – спрашивает Кесси. Долину заполняют тени. Последние лучи солнца озаряют горные вершины на западе.

– Твоя дочь об этом спросила. Мы пьем коктейли. Маме ведь не станет лучше, верно? – говорит Марина.

– Верно. Но хуже ей тоже не станет, пока мы в силах придерживаться протокола лечения. Цены на лекарства все время растут. Реагируют на состояние рынка.

– Мне следовало остаться на Луне.

– Нет, что ты...

Мусор на полу скрипит под чьими-то ногами. Оушен высовывается наружу, повиснув на дверном косяке.

– Марина, а можно расспросить тебя о Луне?

– Можешь расспрашивать о чем угодно. Не факт, что я отвечу на все вопросы.

Оушен ставит рядом с Мариной складной стул.

– Тебе больно? Ну, оттого, что ты снова здесь.

– Охре... – Марина резко умолкает. Оушен четырнадцать лет, она сама не чурается ругательств, но рядом ее мать. – Очень больно. Все болит, постоянно. Представь себе, что носишь на спине еще шесть девочек твоего веса, без передышки. Куда бы ни пошла. И сбросить этот груз не получится. Вот на что это похоже. Но потом мне станет лучше. Мои старые земные кости еще сильны. Мышцы привыкнут. У меня есть программа со всяким дерь... ну, с упражнениями. Физиотерапия. Наверное, с этим делом мне понадобится помощь.

– Я помогу. Марина, ты знаешь, что у тебя очень странный акцент?

– Seriously?

– Ты говоришь похоже на нас, но через нос и со странными интонациями.

Марина колеблется.

– У нас есть общий язык: он называется глобо. Это упрощенная версия английского, но на нем говорят особым образом, чтобы машины не путались из-за акцентов. На Луне очень много акцентов и языков. Я говорю на английском, глобо и немного на португальском.

– Скажи что-нибудь по-португальски.

– *Você cresceu desde a última vez que vi você*,¹³ – говорит Марина.

– Что это значит?

– Погугли.

Оушен надувает губы, но ее любопытство слишком сильно, чтобы из-за этого утихнуть.

– А там правда можно летать?

– Можно, если очень хочется. Крылья сожрут здоровенный кусок углеродного бюджета, но тем, кто их печатает, на самом деле больше ничего и не нужно.

– Если бы я умела летать, – наверное, не стала бы делать ничего другого. Я бы в любую погоду парила над горами.

– В том-то и загвоздка, – говорит Марина. – У тебя есть куда лететь, но ты не можешь летать. На Луне можно летать, но лететь некуда. От одного конца города к другому, вверх и вниз. Меридиан большой, но все равно, по сути, он – клетка. Небо там похоже на настоящее, но, если с ним столкнуться, сломаешь крылья.

Сумерки достигли горных вершин, и Марина внезапно понимает, что на крыльце ей холодно.

– Луна восходит, – говорит Кесси. – Если я достану телескоп, ты сможешь показать нам все места, где побывала.

– Оставь. Мне сейчас надо внутрь. Я замерзла, и день выдался долгий.

¹³ «Ты выросла с той поры, как я видела тебя в последний раз» (*порт.*).

Она не может смотреть на Луну. Она не может видеть огни наверху и не думать об оставшихся там людях, ею брошенных. Луна – это глаз, который высматривает Марину и глядит укоризненно, с обидой, как бы она ни старалась спрятаться в самой глубокой долине национального парка «Олимпик». Ты сбежала, Марина Кальцаге.

– Я тебе помогу, – обещает Оушен.

Племянница катит Марину по скрипучим деревянным половицам в комнату. Она снова в своей старой комнате: глянцевого блеск медицинского вспомогательного аппарата плохо сочетается с выцветшими постерами, пыльным плюшем, рядами книг и комиксов. Ей снова пятнадцать. В каком бы возрасте ты ни вернулся в семейный дом, тебе всегда будет пятнадцать. Стеганое одеяло с изображением дугласии, покрывало в виде искусственной волчьей шкуры. Оушен наливает воду, чтобы запить горсть таблеток и фагов.

– На раз-два-три, – говорит Марина, и они вместе укладывают ее в постель.

Она лежит без сна среди машин. Она устала душой, устала до мозга костей, слишком истощена для сна. Она чувствует Луну там, наверху, – чувствует ее жар и силу притяжения, будто прилив в крови. Она наконец дома. И до чего же это... ужасно.

Глава пятая

Пацан опять вернулся. Третий день подряд. Робсон замечает его краем глаза и в этот миг отвлекается. Неуклюже обрывает тик-так ¹⁴ и приземляется жестко.

Это не похоже на трехкилометровое падение с крыши Царицы Южной. В Теофиле невозможно упасть с высоты больше ста метров, и пространство здесь забито машинами и кабелями. Робсон крепко хватается за какой-то поручень.

Бросает взгляд в сторону, чтобы убедиться, что пацан еще наблюдает. Да – сидит на перилах, раздвинув ноги, с видом «просто ничо интересного больше нету», и посасывает тубик какой-то жижи. Странный малый.

Сегодня на Робсоне шорты цвета хаки с отворотами и сандалии. Рубашки нет, потому что здесь, среди машин, жарко, а модные рубашки мешают двигаться. На пацане типовая лунная одежда: леггинсы, толстовка, и то и другое – белое. Капюшон поднят, черные волосы прикрывают один глаз. Оболочка фамильяра – вся из блестящих черных крыльев.

Третий день подряд незнакомец то ли наблюдает, то ли не наблюдает. Значит, трюк надо выполнить правильно. И все должно выглядеть непринужденно. Робсон размеренно дышит, унимая беспокойное сердцебиение, черпает энергию, собирает ее и вкладывает в движение. На этот раз тик-так получается правильно, и он в прыжке пересекает вентиляционную шахту, достигает перил служебной платформы, делает сальто назад и снова летит через шахту, огибая трубопровод, ударяется о стену точно там, где расположены опоры для рук и ног, а затем рывком кидается в путаницу труб. Сверху – снизу – вокруг – внутрь.

Безупречно.

Он сидит на водопроводной трубе на высоте двадцати метров. Паркур-король Теофила. Смотрит вниз сквозь переплетение желобов и труб и ловит взгляд: тот глаз, что не прикрыт челкой, глядит на него. Робсон кивает. Пацан отворачивается.

Робсон эффектно – напоказ, как супергерой – спрыгивает и приземляется.

– Привет, – говорит пацан.

Робсон останавливается, проводит пальцами по волосам.

– Чего тебе?

– Да так. Че делаешь?

– Иду в баню. Мне, типа, помыться надо.

– А-а, – говорит пацан. – Я, это, хотел выпить чаю и подумал, вдруг ты знаешь какое-нибудь хорошее место.

– Недавно в Теофиле?

– Пару дней.

– В бане есть чайная, – говорит Робсон. – Если хочешь, идем. Мне надо привести себя в порядок.

Пацан соскальзывает с перил. Робсон приглядывается к новому знакомому. Кожа у него очень светлая, почти прозрачная. Глаза большие, темные. Волосы хорошие – с такими можно делать всякие вещи.

– Хайдер, – говорит пацан. Наклоняет голову к своему фамильяру. – Это Сольвейг.

– Робсон, – говорит Робсон. Моргает, указывая на собственного фамильяра. – А это Джокер. Ну что, пошли?

¹⁴ *Тик-так* (tic-tac) – элемент паркура, при котором бегун отталкивается от препятствия, чтобы придать себе ускорение и преодолеть какую-то другую преграду.

Алексия слышит голоса за каменными дверями. Уполномоченная лунная администрация заседает в полном составе. Лукас крепче сжимает ручку трости. Алексия легонько берет его за локоть.

– Я войду один, – говорит он.

Она отпускает руку босса.

– Но мое появление надо обставить должным образом. – На его лице мелькает улыбка. Лукас Корта торгует улыбками, как ценным ресурсом, и когда он это делает, преобразается. Он излучает радость, как солнце излучает свет.

– Разумеется, сеньор Корта.

Алексия распахивает двойные двери Павильона Новой Луны и входит в амфитеатр. Ее походка – уверенная, эффектная и хорошо отрепетированная. Один непродуманный шаг может подкинуть Джо Лунницу в воздух, и приземлится она, униженная, в полтора метра от того места, где была. Земля на улицах Меридиана можно опознать по таким прыжкам и лицам, напряженным от стыда. Но с этой землянкой все иначе: двигаться правильно, двигаться по-лунному – для Алексии предмет гордости. Она окидывает взглядом лица на трибунах. Ей нравится запоминать каждое из них.

– Почтеннейшие, – объявляет Железная Рука. – Орел прилунился.

Он выходит из двойных дверей, излучая силу, с высоко поднятой головой и прямой спиной – человек-гора в доспехах из мышечной массы, которую нарастил, чтобы выжить на Земле, но Алексия знает: каждый его сустав, каждое сухожилие терзает боль. Земля слишком сильно его повредила. Его сердце остановилось во время старта с выходом на орбиту. Он был мертв восемь минут. Земля жестока. «Луна – еще более жестока», – думает Алексия Корта.

– Спасибо, Мано ди Ферро.

Старое семейное прозвище, а ныне – ее должность. Мано ди Ферро. Железная Рука. Личный помощник Орла Луны.

«Почему я?» – спросила Алексия.

«Потому что ты чужая, – сказал Лукас. Они находились в кабинете Орла с его потрясающим видом на хаб Меридиана. На ковре все еще угадывались очертания пятен крови, оставшихся от предыдущих хозяев этого места. – Только ты здесь неподкупна».

Алексия занимает место в самом верхнем ярусе, чтобы лучше рассмотреть почтенных делегатов. Они расселись по фракциям. Посланцы земных государств занимают левую часть нижнего яруса. Европейцы, саудовцы, маленькая делегация США, чрезмерно крупная – Китай. Среди американцев одно кресло пустует. Алексия роется в памяти. Джеймс Ф. Кокберн из Центрального комитета. На правой стороне нижнего яруса находятся корпорации: венчурные фонды, инвестиционные банки, спецы по растаскиванию активов. Люди, которые инвестировали во вторжение на Луну.

На втором ярусе сидят адвокаты в стильных костюмах, напечатанных по последней моде. Напротив элегантных юристов расположились члены Павильона Белого Зайца: непохожие друг на друга, сумбурные, дурно одетые. Это личные советники Орла Луны: кружок лунной элиты от Суда Клавия до Университета Невидимой стороны. Вот, к примеру, знаменитый шеф-повар. У Белого Зайца нет иной власти, кроме возможности советовать, поощрять и предупреждать. Интересно, что в этом смыслит знаменитый шеф-повар?

Ее внимание переключается на самый высокий из трех ярусов. Там сидят Воронцовы: самые скрытные из Драконов выбрали из тени, чтобы погреться в лучах нового порядка. Большие пушки – это сила: что в Барра-да-Тижук, что в Море Спокойствия. Безукоризненно одетые, агрессивные молодые мужчины и женщины, татуированные и мускулистые. Под каждым пиджаком – нож.

Где же Евгений? Вон там, на нижнем ярусе, напротив места, где должен сидеть Орел Луны. Генеральный директор «ВТО-Луна» разительно отличается от своих людей с их стиль-

ными костюмами и острыми скулами: он человек-гора, бородат и одет в нечто старомодное, из красивой парчи. Алексии всегда кажется, что его держат в заложниках. Рядом с Евгением – посланцы других Драконов: АКА, «Тайяна», «Маккензи Металз», «Маккензи Гелиум». По одному представителю от каждого. Таков новый порядок.

Лукас Корта окидывает взглядом ряды лиц.

– «Маккензи Гелиум» совершили злодеяние в Жуан-ди-Деусе. Я призываю к немедленным карательным действиям.

– Что вы предлагаете, мистер Корта? – Ансельмо Рейес из объединения венчурного капитала «Давенант». Крупный игрок.

– Контракты, гарантирующие безопасность всех жителей Жуан-ди-Деуса, – говорит Лукас.

– Включая вашего сына, – уточняет Ансельмо Рейес.

– Конечно. Подкрепленные угрозой ударов по заводам и сырьевым базам «Маккензи Гелиум». Меньшее не остановит Брайса Маккензи.

– Я возражаю, – говорит Рауль-Хесус Маккензи. Представитель «Маккензи Гелиум» в Уполномоченной лунной администрации. Один из приемных сыновей Брайса Маккензи. Алексия провела на Луне достаточно времени, чтобы понимать, что это значит. – УЛА не занимается санкционированием личных вендетт. И я хотел бы попросить Павильон обратить внимание на следующий факт: сеньор Корта так пылает жадой праведной мести, что отложил эту встречу до той поры, пока не съездил со всей своей свитой в Тве и не отправил сына на обратную сторону.

– По крайней мере некоторые отцы заботятся о сыновьях, – говорит Лукас.

Рауль-Хесус Маккензи будто не замечает колкости.

– Что ж, надеюсь, перерыв дал Орлу Луны время пересмотреть свое первоначальное предложение Павильону. Которое состояло в том, чтобы нанести немедленный удар из электромагнитной катапульты по складскому комплексу «Маккензи Гелиум» в Море Познанном. На безопасном удалении от его драгоценного Жуан-ди-Деуса.

По рядам сидений пробегает ропот, головы склоняются друг к другу.

– Сколько еще делегат от «Маккензи Гелиум» будет оскорблять Павильон параноидальными фантазиями Брайса Маккензи? – вопрошает Лукас, но Алексия уже сканирует собравшихся в поисках изменника. В автотрисе, направлявшейся в Тве, бледный от ярости Лукас требовал нанести удары из электромагнитной катапульты по каждой работающей самба-линии в Западном полушарии. Алексия уговорила его на символический жест, око за око. Автоматизированный складской комплекс. Никаких человеческих потерь. Моральное превосходство. Она предложила ему смоделировать удар, чтобы он отвлекся, пока не доедет до Тве и Лукаси-ню. Алексия видит, как Евгений Воронцов бросает взгляд на самый высокий ярус. Вот в чьих руках космическая пушка.

– Сто двенадцать погибших в Жуан-ди-Деусе, – продолжает Лукас. – Это жизни. Это люди. Человеческие существа. Я не отдам оставшихся на пожизну Брайсу Маккензи. Его продолжающееся правление в Жуан-ди-Деусе – оскорбление всех моральных принципов нашей цивилизации.

– Ну же, сеньор Корта, – говорит Рауль-Хесус масляным и ядовитым тоном. – Вряд ли вы в том положении, чтобы претендовать на моральное превосходство в этой ситуации.

У Алексии перехватывает дыхание. Люди говорят: призраков на Луне нет, но один точно витает над этим собранием.

– Если хотите меня в чем-то обвинить, наберитесь смелости сказать об этом в лицо, – говорит Лукас.

– Железный Ливень, сеньор Корта.

Алексия закрывает глаза.

Она снова видит Валерия Воронцова в обзорном отсеке «Святых Петра и Павла»: его пальцы, словно клювы, тянутся к ней. Она никогда не забудет его слова: «Вам не кажется, что двум мирам пора узреть небольшую молнию?»

– Суд Клавия постановил, что я никоим образом не причастен к уничтожению «Горнила».

– Не доказано, мистер Корта, – говорит Моника Бертен, второй член триумvirата УЛА. Внимание Алексии переключается на Ван Юнцин.

– Согласно лунному праву, это не имеет значения, – говорит Лукас. – Правление отклоняет мою просьбу?

Теперь говорит Ван Юнцин.

– На Уполномоченную лунную администрацию возложена задача поддерживать добычу уникальных внеземных ресурсов. Мы не можем допустить, чтобы какие-то действия поставили под угрозу наши активы.

– Если вы предпочитаете этим термином обозначать честных трудяг-пылевиков, госпожа Ван, то ваши «активы» как раз находятся под угрозой.

Но Лукас Корта побежден, и кто-то из младших членов совета уже спешит закончить собрание. Делегаты встают со своих мест, адвокаты наклоняются, чтобы посоветоваться с ними, Драконы болтают или хмурятся друг на друга, в зависимости от того, насколько сильна враждебность; все перемещаются к лестницам, дверям и вестибюлям.

– Евгений Григорьевич.

Пожилый патриарх Воронцовых останавливается. Свита наблюдает за ним с высоких мест. Алексия замечает мимолетный обмен сообщениями между Воронцовым и Кортой, затем первый тяжело поднимается по ступенькам к своим людям, которые ждут.

Алексия ждет, пока последний делегат покинет зал собраний, и присоединяется к Лукасу. Он держится слишком неподвижно и ровно, слишком непоколебимо и ничем не выдает ярости, которая, знает Алексия, бушует в нем, как и в ней.

– Так быстро, – говорит он своей Железной Руке. – Они сперва нападут на меня, а потом – друг на друга. Будет резня, Алексия.

Ариэль Корта стискивает зубы и пытается поправить перекрутившуюся резинку от пояса для чулок, зажатую под бедром.

Черти бы драли эту чертову моду на сороковые.

Костюмы бесподобны, платья блестящи, шляпы блистательны. Чулки и прочее – сущая нелепость. Они не созданы для парализованной женщины, которая спешно одевается перед встречей.

Чулки надо скатать, натянуть, расправить и прикрепить. Чулки – ад, сотворенный портным.

Да ну на хрен.

– Бейжафлор, вызови Абену Асамоа.

Она появляется через три минуты:

– Я собиралась на чай с коллоквиумом.

– Ты у них ничему не научишься, – парирует Ариэль. – Мне нужна помощь.

Она задирает юбку. Абена закатывает глаза.

– В моих контрактных условиях такое не прописано.

– Да-да. Мне нужно, чтобы ты застегнула эти штуки.

– А что плохого в обычных колготках?

– В обычных колготках плохо все. Сделай все, как надо, или не делай совсем.

Абена садится на кровать. Ариэль видит, что она прячет улыбку.

– Вы могли бы обзавестись ассистентами УЛА в любой момент. Ну-ка, поднимите зад.

Ариэль ложится на спину на кровать и приподнимается на локтях.

– Чтобы все увидели, как я пользуюсь щедростью Лукаса? Вот уж нет.

Абена пристегивает подвязку.

– Надо же, люди на самом деле носили такие вещи. Вы уже ведете какие-нибудь дела?

– Еще нет. Помалкивай. А тебе политология пригодилась на практике?

– «Кабошон» внезапно оказался самым востребованным коллоквиумом по обе стороны Луны. Это нехорошо. Ариэль...

– Нет, я не собираюсь устраивать тебя на стажировку к брату. У него все равно есть личный помощник. Та девушка из Бразилии. Мано ди Ферро – так она себя называет. Моя мать была последней Железной Рукой. Последней и единственной.

– Приподнимитесь еще раз, – говорит Абена. – Ну вот, готово.

– Спасибо. – Ариэль перекачивается на край кровати. Мыслью подзывает инвалидное кресло. – Ты слишком добра ко мне.

– А для чего вы наряжаетесь?

Абена знает, что лучше не предлагать Ариэль помощь с тем, чтобы сесть в кресло, или – после того, как она поправит наряд и приведет в порядок лицо, – с тем, чтобы ее подтолкнуть.

– Встреча с потенциальным клиентом, – говорит Ариэль, рассматривая себя через линзу и нанося помаду исторически подходящего оттенка.

– Можно мне пойти? – спрашивает Абена.

– Разумеется, нет, – отвечает Ариэль. – Как я выгляжу?

– Я бы вас наняла. – Абена легко целует Ариэль в щеку. Адвокатесса выкатывается в кресле из спальни и пересекает свою квартиру, направляясь к двери, за которой ждет моту.

– Ты снова будешь ходить.

Бар незаметно очистили от посетителей – стильно одетые молодые женщины и мужчины похлопали каждого по плечу; на счет бара прибыла сумма от «Тайяна». С довеском.

Аманда Сунь и Ариэль Корта сидят за столом на балконе для избранных в клубе «Белая хризантема». Меридиан в этот час – сплошной трепет и треск воздушных змеев, длиннохвостых драконов, саламандр, гаруд и лунных кошек и десятихвостых лис, которые то взмывают, то падают сквозь кубические километры воздушного пространства, пролетая сквозь квадру Антареса. Это что-то вроде медленной изысканной гонки, решает Ариэль, наблюдая, как змеи покоряются то термику ¹⁵, то вытяжной трубе, то воздушному теплообменнику. Чтобы выиграть такую гонку, могут понадобиться часы, а то и дни. Цвета, волнистые хвосты длиной в сотни метров, хлопанье и треск мономолекулярной пленки на ветру, которого она не чувствует, – все эти вещи пробуждают чувство, в котором она опознаёт удовольствие.

В клуб «Белая хризантема» допустили еще одного человека: его знаменитую барменшу. Она приносит два мартини, безупречных, покрытых капельками конденсата, аскетичных. Ариэль Корта качает головой.

– Уверена? – спрашивает Аманда Сунь.

– Мне не нужно отвлекаться.

Но Ариэль отвлеклась. Она ошеломлена, не может сконцентрироваться, почти пьяна всухую ¹⁶. Люди говорят, у Луны нет истории, но у истории на этот счет другое мнение. История пришла на проспекты Меридиана. Улицы, квартиры, лифты и ладейры, бесконечные перспективы высоченных квадр не изменились, но Меридиан стал совершенно другим. Земля управляет УЛА, ее брат занял Гнездо, Воронцовы приставили пушку к голове каждого человека на видимой и обратной стороне. И Марина улетела.

¹⁵ Термик (термический поток) – масса поднимающегося нагретого воздуха, который может взаимодействовать (перемешиваться) с окружающим, более холодным воздухом.

¹⁶ Пьян всухую (dry drunk) – жаргонное выражение, обозначающее бывшего алкоголика, который, не употребляя спиртного, ведет себя точно так же, как и будучи пьяным.

Марина улетела, и Ариэли хочется одного: окликнуть барменшу, пусть вернется и принесет обратно тот мартини, немедленно. Лишь чувство собственного достоинства не дает ей развалиться на части.

Барменша оставляет на столе один мартини. Аманда Сунь берет бокал рукой в перчатке и делает глоток.

– Вознаграждение будет щедрым. Ты сможешь спокойно дышать всю оставшуюся жизнь.

– И снова ходить.

– Даже танцевать.

– Ты была замужем за моим братом и не знаешь, что я ненавижу танцы, – говорит Ариэль.

– Это ведь ты составила тот никах, – замечает Аманда Сунь.

– И развод. Одно из моих лучших дел. И теперь леди Сунь прислала тебя, чтобы заключить со мной контракт об опеке над Лукасинью.

Аманда Сунь делает глоток своего жгучего сухого мартини, но Ариэль видит, как сжимаются ее губы и напрягается мышца на челюсти. Адвокатские инстинкты – это навсегда. Попала. Пустила кровь. От прилива бывшего возбуждения по спине Ариэль бегают мурашки.

– Законтрактовать тебя – полностью моя идея, – говорит Аманда.

– Настаиваю на том, чтобы остаться незаконтрактованной, – отвечает Ариэль.

– Даже если это позволило бы тебе встать с кресла?

– Даже если так.

– Мы знаем, что ты отказалась работать с ним.

– От «работать с ним» до «отдать его сына врагам» – огромная дистанция.

– «Тайян» не враждует с Орлом Луны.

– А кто бросил его задыхаться в мертвом ровере посреди моря Изобилия?

– Тогда он был просто Лукасом Кортой. – Аманда Сунь делает еще глоток мартини. – Старый порядок мертв, Ариэль. Твой брат убил его.

– Мне нравился старый порядок. Он знал свои обязательства.

– Земляне не видят обязательств. Для них мы – сборище жестоких либертарианцев, объединенных взаимным интересом и в любой момент готовых перерезать друг другу глотки. Они не понимают невидимых общественных договоров, на которых все зиждется. Мы – промышленный форпост, точка сосредоточения выгоды, только и всего.

– Это манифест, Аманда?

– У нас действительно есть манифест.

– Соблазни меня, – говорит Ариэль.

Аманда Сунь делает большой глоток мартини.

– Дни Драконов прошли – нам нужны новые идеи, новая политика, новая экономика. У нас есть политическая повестка дня. Мы провели моделирование с участием Трех Августейших Мудрецов. Результаты могут тебя удивить.

– Так удиви.

– Коммунизм.

Ариэль поднимает бровь.

– Наемный труд – фактически неактуальная тема для Луны, – говорит Аманда Сунь. – Мы легко можем перейти к полностью автоматизированной экономике. Работа может стать вопросом выбора и личных пристрастий, а не способом копить деньги на воздух.

– На Земле это уже пробовали.

– Земля бедна энергоносителями и безнадежно иерархична. «Корта Элиу» сама поспособствовала росту неравенства. Тот, кто управляет термоядерной энергией, управляет планетой. Луна богата энергией.

– «Тайян» управляет солнечной экономикой.

– А также автоматикой и роботами. Да. Есть за нами такой грешок. Но то, что вообразили себе Три Августейших, – по-настоящему политически плоское общество, где царит энергетическое и технологическое изобилие, удовлетворяются потребности людей, а цивилизация расцветает тысячью цветов. Луна – контейнер для социальных экспериментов. Но вы не играете в политику. Это же был девиз Корта, верно?

– Вообще-то девиз был: «Мы не играем в демократию». Если вы вообразили себе некую коммунистическую утопию изобилия и свободы слова, почему до сих пор пытаетесь стряхнуть Пекин со своей шеи?

– Их видение коммунизма – контроль. Наше – свобода. Они несовместимы.

– И все же мой ответ «нет», – говорит Ариэль. – И ты, как ни крути, просишь меня доставить моего собственного племянника во Дворец Вечного света в качестве заложника.

– Фактически да. Я расскажу Лукасу об этом разговоре.

– Ну, разумеется. Это было гениально – поручить тебе вести дело лично. Что плохого ты сделала леди Сунь?

Аманда Сунь допивает мартини. У края бокала медленно собирается треугольник джина, густого от примеси вермута, и превращается в слезу, которая сбегает вниз по стеклу. Она наклоняется к уху Ариэль:

– Корасан, дело в том, чего я не сделала.

Аманда Сунь поправляет жакет от «Цукерман и Краус», сует клатч под мышку. Бросив беглый взгляд на барменшу, платит.

– Я нахожу интересным говорить правду семейству Корта, потому что вы ни во что не верите. У вас сплошные условности и уловки. Вы не верите в наше видение, но каково ваше? – Она снова наклоняется и чмокает Ариэль в щеку. – Скажи, о, моя бывшая невестка?

Аманда Сунь засовывает руки в варежках под мышки, чтобы согреться, и дрожит в своем стеганом теплом костюме. Холод – это психологическое, твердит она себе, наблюдая за детьми в теплых костюмах с яркими узорами – милыми, как игрушечные мишки, – которые играют в гандбол, бросая друг другу мяч низкими быстрыми пасами. Фигурки носятся туда-сюда, блокируют, прыгают и кидают мяч в импровизированные цели, отмеченные на стенках двух жилых контейнеров. Молодые голоса кричат и радостно орут на португальском.

– Кажется, в таком виде Боа-Виста мне нравится больше. – У нее изо рта идет пар. – Здесь всегда было мало детей. Слишком тихо.

– Мне никогда не нравилось это место, – говорит Лукас Корта.

Термальные ботинки грохочут вниз по пандусу, ведущему от служебных шлюзов к полу большого зала. Инженеры установили осветительные пилоны: по всей длине старого дворца Корта виднеются озера света, и каждое из них охватывает розетку обиталищ, собранных вокруг генератора и рециркулятора воды, источающего пар. Лица ориша резко подсвечены снизу: сгустившиеся тени придают им такое выражение, словно боги кого-то осуждают. Строительные боты носятся во мраке и укрепляют изолирующий слой. Иней покрывает мумифицированную траву, окаймляет мгновенно застывшие листья. Лед запер поток и заставил водопады онеметь, заморозил поваленные колонны и купола павильонов. Чтобы поднять температуру камня от обычных для Луны минус двадцати до комфортной для людей, предстоит долгая медленная работа. Дети играют, их голоса эхом отражаются от заледеневших каменных лиц.

– И все же ты здесь, – говорит Аманда.

– Это было оскорбление в мой адрес.

Элегантно причесанные эскольты Нельсона Медейроса и *уши*¹⁷ Суней незаметно следуют за ними.

¹⁷ *Уши* – воин, боец (манд. кит.).

- Ты всегда плохо переносил оскорбления.
- Спасибо. Я не собираюсь здесь жить.

Лукас и Аманда оставляют играющих детей позади. Ошала и Йеманжа глядят сверху вниз на несколько лунных бульдозеров, которые усердно соскребают мертвую растительность с пола и загружают в мусорные контейнеры.

– У меня есть некоторое представление о дикой природе, – продолжает Лукас. Большие машины аккуратно объезжают людей в стеганых костюмах. – Моя мать питала отвращение к живым существам. Она видела в них загрязнение. А мне нравится мысль о возможности пустить здесь все на самотек. Пусть лианы затянут лица ориша, пусть у них в глазницах вырастет плющ. Пусть здесь поселятся птицы и всякие ползающие твари – такие, которых слышно, но не видно. Пусть одни живые существа охотятся на других.

- Ты не проявлял столь богатого воображения, когда мы были женаты.
- Воображение не включили в контракт.
- В него много чего не включили, слава богам.

Самая дальняя треть Боа-Виста соскоблена до основания из анортозита: голая кость, вычищенный череп. Канистры с питательной средой и биомассой ждут распределения. В четырехугольниках между жилыми контейнерами мужчины и женщины тренируются с ножами и дубинками. Инструктор выкрикивает приказы, инструкции, указания: тут касается запястья, там – плеча; берет за руку, чтобы продемонстрировать, как надо двигаться и парировать с уверенностью.

– Наверное, Брайс Маккензи в экстазе оттого, что ты набираешь частную армию прямо у него под носом, – замечает Аманда.

– Я предлагаю работу, которая нужна добытчикам гелия, потерявшим свои контракты из-за коммерческой бесхозяйственности «Маккензи Гелиум», – говорит Лукас.

- Корта своих людей не бросают.
- Ариэль сказала, что ты пыталась заключить с ней контракт.
- Она наверняка рассказала тебе и о том, что ответила мне, – говорит Аманда.
- Я с ней поговорю.
- Она не примет твой контракт.
- Семья есть семья, – возражает Лукас Корта. Желтая лента поперек временного газоплотнения предупреждает, что по ту сторону – вакуум. Аманда Сунь заглядывает в иллюминатор и видит щебень, старую пыль, новый лифт и груды строительного материала. – Здесь взорвали аварийный шлюз. Разгерметизация Боа-Виста произошла через это место. Мы нашли Рафу в полукилометре отсюда, на поверхности.

- Хватит, Лукас.
 - Ты слишком щепетильна для женщины, которая пыталась меня убить.
 - Как я уже сказала твоей сестре, тогда ты не был Орлом Луны.
- Лукас морщится.

«Он разучился скрывать чувства, – замечает Аманда Сунь. – Земля обошлась с ним жестоко, сломила».

– Я буду бороться до последнего вздоха и удара сердца, чтобы Лукасинью никогда не попал во Дворец Вечного света.

– Ты неправильно меня понял, Лукас. Лукасинью сейчас лучше всего в Университете. Но не надо спорить, потом его следует перевезти в Шеклтон. Университет восстановит его память. Конечно, ты им дорожишь, ты о нем всячески заботишься, но с тобой Лукасинью всегда будет в опасности. А со мной он получит стабильность и уход. Защиту. Любовь. Вам, Корта, следовало научиться одному: как правильно любить. Но вы этого так и не сумели.

Шепот цзюньши раздается в ту же секунду, как Чжень, фамильяр Аманды, подает сигнал тревоги. Она видит по лицу Лукаса, что он получил такое же известие.

– Надо эвакуироваться, – говорит Лукас. В это время эскальтеры и *уши* занимают оборонительную позицию. – Боа-Виста атакуют.

– Что происходит? – На общем канале – хаос голосов, криков, воплей ужаса. В абсолютной тьме колышутся и мечутся туда-сюда налобные огни скафандров. Метки с именами мелькают на линзе Финна Уорна: внутренний дисплей его скафандра демонстрирует, как призрачные фигуры бегут по туннелю. – Доложите!

– Столкновение!

Это Чарли Тумахай из команды подрывников.

– Сколько их? – спрашивает Финн Уорн.

– Гребаные бразилыцы выходят из стен! – кричит Тумахай. Его идентификационная метка вспыхивает белым и исчезает.

– Твою мать! – кричит Финн Уорн.

Заминировать шлюз Санта-Барбары – рутина. Заминировать лифты Сан-Себастьяна – не вопрос. Все служебные, второстепенные и аварийные шлюзы Жуан-ди-Деуса, порты БАЛ-ТРАНа, железнодорожная станция, системы кондиционирования и водопровод – повсюду распределены защищенные от взлома заряды. Команду он отбирал вручную. Никаких санитиус. Только самые надежные оперативники «Маккензи Гелиум». Старый трамвайный туннель – последнее и ерундовое дело. Надо перерезать последний путь к отступлению. Но теперь это путь к вторжению. Корта идут.

– Хайме! Садики! Кто-нибудь!

– Что прикажете, босс? – Это Никола Ган из команды инженеров, которая обычно работает в восточном секторе Океана Бурь.

Что он прикажет... Что прикажет?!

– Отступайте. Выбирайтесь оттуда. – Финн Уорн на миг замирает в своем бронированном скафандре, во тьме. Перед его внутренним взором проносятся варианты. Как же быть? – Забирайте все с собой.

– Босс...

– Все. Если они найдут один из зарядов, придумают, как их обезвредить.

Дальше в туннеле колышущиеся налобные огни скафандров поворачиваются и устремляются в его сторону.

– Ну же, пошевеливайтесь!

«Спринт», – приказывает он скафандру.

От внезапной скорости вышибает воздух из легких и мысли из головы – все, кроме овала света впереди. Конец туннеля, Жуан-ди-Деус. «Осталось пять секунд спринта», – сообщает фамилляр. Четыре. Три. Две. Одна. Он выскакивает на бывшую станцию, еле дыша.

– Ники.

– Босс.

– Мне нужно, чтобы ты указала всем путь к отступлению.

– Что вы задумали?

Он переходит на общий канал:

– Всей бригаде – заряжайте и бросайте взрывчатку. *Sauve qui peut*.¹⁸

Финн Уорн видит, как по всему туннелю метки его джакару становятся белыми. Они не солдаты, не бойцы – это инженеры, поверхностные рабочие. И он не сможет вытащить всех. Прибывают первые из его отряда. Он переключается с общего канала на Николу Гана.

– Ники, убирайся оттуда. Я взрываю туннель.

– Босс, Садики и Brent еще там.

– Уходи оттуда. Беги!

¹⁸ «Спасайся кто может» (франц.).

– Да пошел ты!

Времени нет. Времени всегда не хватает.

«Огонь», – приказывает он.

Вспышка света на другом конце туннеля. Станция содрогается. Слышится тектонический грохот. Никола Ган прибывает на старый вокзал, как раз когда команда Финна Уорна запускает шлюзы.

«Фамильяр: сообщение Брайсу Маккензи. С Жуан-ди-Деусом разобрались».

Когда шлюз открывается, еще четверо почерневших от пыли джакару входят в помещение.

«Мы понесли потери».

Глава шестая

На скорости двадцать километров в час Ариэль Корта катит по проспекту Кондаковой. Она все тщательно продумала. До станции Меридиан – семь минут. Батареи полностью заряжены, но она потратит шестьдесят процентов, двигаясь по улицам на полной скорости. Когда доберется до станции, у нее будет в запасе двадцать секунд и двадцать процентов заряда. Поезда ВТО ходят с точностью до миллисекунды. Лукас начнет что-то подозревать, как только она окажется в двух минутах от вокзала. Но желая успокоить граждан Меридиана, он убрал своих ботов с проспектов. Отвратительные твари – шипастые, с дерганой походкой, воплощенная угроза расчленения, насаживания на клинки, безжалостного кровопролития. Люди их ненавидели: боты покалечили немало детей, которые пытались их опрокинуть, швырнуть через ограждения улиц, обездвигить стяжками. Старухи плевали в их сторону. Воспоминания об оккупации и машинах, которые фиксировали и регистрировали каждого из семисот тысяч жителей Меридиана, об осаде, разрушениях и смертях посреди лунных морей были еще сильны и свежи. Лишь немногие узнали в ботах и улыбчивых, охочих до чая, вооруженных шокерами наемниках, которые пришли им на смену, ту вещь, которой Луна не знала и в которой никогда не нуждалась. Они – полиция.

Надо действовать скрытно. Ариэль отключила Бейжафлор и пользуется любым прикрытием из возможных, но она – самый известный на Луне инвалид-колясочник, потому на нее смотрят, о ней говорят. И все же адвокатесса решает положиться на непреодолимое безразличие толпы. Она въезжает в центр компактной группы Долгих бегунов, чтобы проскользнуть мимо двух жандармов, которые слоняются в пестрой тени деревьев, высаженных по центру проспекта Кондаковой. Небольшой мысленный пинок в адрес систем управления креслом позволяет подстроиться под скорость бегунов. Тела, на которых много краски и мало одежды, кисточки, браслеты и боевой «макияж» – все это окружает беглянку со всех сторон. Она почти забыла священные цвета ориша. В бесконечном цикле движения ощущается дерзкий вызов. Бег – это сопротивление.

Марина была одним из Долгих бегунов.

Марина осталась в ее мыслях навеки. Путешествие в одиночестве всегда пронизано меланхолией и размышлениями.

Перед адвокатессой возникает хаб – громадное центральное пространство, от которого исходят три городские квадры. Она не может не взглянуть на Гнездо, которое теперь принадлежит брату. Там, наверху, сады апельсинов и бергамотов, которые все еще хранят следы серебряной краски, оставшейся после катастрофической свадьбы Лукасину Корты.

Станция Меридиан. Она готовится к небольшому рывку, с которым кресло цепляется за движущуюся лестницу, и та уносит Ариэль вниз, на площадь. На вокзале в любое время суток полным-полно народа; она едет от одного скопления пассажиров к другому – те прибывают, уезжают, экстравагантно приветствуют друг друга, сентиментально прощаются. Тут есть камеры. Но видеть – одно, замечать – другое. За всеми следят, однако ее никто не ищет.

Ариэль присоединяется к толпе пассажиров на лестницах, ведущих к платформам. Включает Бейжафлор, покупает билет, и ее кресло, отцепившись от ступеньки эскалатора, катится на платформу. Кресло знает место посадки и везет ее к нужному шлюзу. Освещение превращает стены из бронированного стекла в зеркала, в которых отражаются призраки и миражи. Две минуты. Старый Трансполярный экспресс, идущий на север, прибывает вовремя. Она все расскажет брату, когда окажется на другой стороне мира. Лукас заслужил объяснения, почему Ариэль не сможет представлять его в Суде Клавия.

Она никогда не была на обратной стороне Луны. Но знает мифы и легенды, которые рассказывают про те края на видимой стороне: что там сплошная паутина старых, протекающих

туннелей, тесных до клаустрофобии и хаотичных; что там можно задохнуться от тел, запахов и спертого воздуха, которым дышат десятки тысяч студентов. Что-то вроде кровеносной или нервной системы. Старая квартира в Байрру-Алту была узкой и тесной, как яйцо с двойным желтком – с ней и Мариной. Ариэль много раз просыпалась ночью от ощущения, что комната захлопывается, словно литейная форма, и поглощает ее. Там они были вдвоем. На темной стороне Луны, в пульсирующей сети туннелей и коридоров, трамваев, метро и подвесных дорог, – в тысячи раз больше тел.

Огромный поезд, две палубы неуклюжей, угловатой машинерии лунного производства, подъезжает к платформе. Шлюзы совмещаются с миллиметровой точностью и герметизируются. Заряд батарей: на волосок ниже двадцати процентов. В пределах допустимых параметров, учитывая тот факт, что ей пришлось сильно потратиться, чтобы не отставать от Долгих бегунов.

Что заставляет ее окинуть взглядом платформу? Цветовая несообразность – нечто строгое и серое среди модных на Луне коричнево-ржавых тонов? Кто-то движется против течения: отряд людей идет клином, в унисон, от эскалатора вдоль платформы. Пассажиры сторонятся их, и шаг переходит в рысь, рысь – в бег.

Наемники УЛА.

Люди высыпают из поезда. Ей не пробиться. Она не сможет подняться на борт.

– Извините, – кричит Ариэль, приказывая креслу двигаться вперед. Натыкается на маленькую девочку, та теряет равновесие и падает на стекло. Родитель девочки подхватывает ее, возмущенно шипит. – Простите, простите, простите!

Они видят ее. Они идут за ней.

– Все в порядке, – раздается женский голос. – Я вас держу.

Чьи-то руки хватаются за подлокотники кресла. Женщина улыбается беглянке. На незнакомке свитер в стиле фэр-айл, вельветовые бриджи, гольфы и броги.

Другие руки хватаются за подлокотники кресла и пытаются оттащить адвокатессу от поезда. Ариэль вскидывается, лупит их, силится отбиться, но противников слишком много.

– А вот это очень плохая идея, – говорит женщина.

У нее дерзкий австралийский акцент. Она приходит в движение – нога, кулак, ребро ладони – и три наемника падают. Пассажиры с криками разбегаются. Мелькают ножи, но женщина уходит от них, словно превратившись в жидкость, и клинки летят на платформу, скользят прочь. Одна наемница лежит на спине, задыхаясь. Другая таращится на опустевшую ладонь. Третий поднимается с полированного синтера, прижимая руку к лицу: сквозь пальцы сочится кровь.

– Этот поезд готов к отправлению, – говорит женщина в свитере и без церемоний затаскивает кресло в шлюз, который тут же закрывается; оттуда – в тамбур.

Поезд трогается. Ариэль оглядывается на оставшихся на платформе. Касается полей шляпы на прощание, а потом Трансполярный экспресс входит в туннель.

Она паркует кресло. Ее спасительница, одетая по-земному, садится напротив, снимает перчатку и протягивает руку.

– Я, черт побери, надеюсь, что вы Ариэль Корта. Дакота Каур Маккензи, к вашим услугам. Гази факультета биокибернетики.

Ариэль подбирает перчатку, сжимает: кожа в один миг становится твердой как сталь.

– Вы идеально рассчитали время, – говорит адвокатесса.

– У нас были люди в каждом поезде.

Ариэль улыбается.

– И в нужном вагоне?

– Вагонов, в которые можно заехать в инвалидном кресле, не так уж много.

– Можно подумать, вас предупредили Три Августейших Мудреца.

– Они сказали, что вы – сварливая негодяйка, – заявляет Дакота Каур Маккензи. – В семье Корта все такие суки?

– У нас еще есть волк. Он бы вам понравился.

Когда поезд покидает туннель и выходит на Полярную магистраль, в окна проникают лезвия света. Вагон покачивается на стрелках, а потом включаются двигатели на магнитной подвеске, и Трансполярный экспресс разгоняется до тысячи двухсот километров в час. Дети бегают взад-вперед по проходу; студенты, возвращающиеся в исследовательские центры из коллоквиумов видимой стороны, смеются, кричат и болтают. Рабочие спят, баюкая шлемы от пов-скафов и ранцы как младенцев.

– Я заслужила выпивку, – говорит Дакота Маккензи и заказывает «Лобачевского».

– Что-что? – переспрашивает Ариэль.

– Новая мода на нашей стороне. Белый ром, сливки, имбирь и корица. Студенты их заказывают, чтобы нажраться.

– Выглядит как стакан спермы, – говорит Ариэль, когда стюард приносит коктейль вместе с ее собственным напитком.

– А у вас что?

– Шорле с эстрагоном, лаймом и лемонграссом.

– Черт подери. Ну, если у меня – сперма, то у вас какое-то ЗППП. Я-то думала, Корта знают толк в выпивке.

– Вам досталась неправильная Корта.

– Хватит с меня усердия новообращенных. Как бишь он назывался? Особый коктейль Корта?

– «Голубая луна». Рафа утверждал, что изобрел его сам. Но, держу пари, это был какой-нибудь пылевик только что с вахты, в одном из баров Жуан-ди-Деуса. Он мне никогда не нравился. Слишком сладкий. Наливать синий кюрасао в невинный мартини – безумная, дурная вещь.

Дакота берет своего «Лобачевского» и тут же ставит на место. Ее глаза широко распахнуты.

– Уходим, – шепчет она.

Ариэль без раздумий и колебаний отодвигается от стола.

– Поезд замедляет ход, – говорит Дакота.

Глаза Ариэли округляются. Старый обычай: любой может остановить поезд, где угодно на Луне, чтобы сесть в него. Дакота тянется к ручкам инвалидного кресла; Ариэль шлепает ее.

– Не толкай меня.

Дакота направляется к задней части поезда. Ариэль катится следом.

– ВТО у Лукаса в кармане, – говорит она.

– Кто сказал, что это Лукас? Мы в двадцати минутах от Хэдли. Это вотчина Маккензи. Корта – предпочтительные заложники.

Через пять вагонов в сторону хвоста пассажиры начинают замечать, что поезд останавливается.

– А что будет, если они сядут в хвост? – спрашивает Ариэль.

– Тогда я буду драться, – отвечает Дакота. – Снова. На этот раз – в поезде. Но такого не случится. Потому что Маккензи, Воронцовы, УЛА, лунные гномы и космические феечки – все забираются в поезд со стороны головы.

Десять вагонов; последние герметичные двери открываются, и две женщины проникают в шлюз. За ними – последняя переборка, дальше – двести километров маглев-трассы и пост-индустриальной пустоши. Трансполярный экспресс останавливается посреди серости болота Гниения и опускается на пути.

Ариэль подбирается как можно ближе к крошечному иллюминатору в наружной двери шлюза. Никаких признаков новых пассажиров – только рельсы, крутые насыпи и бермы, лабиринты из реголита, сооруженные бульдозерами. Сломанные машины, заброшенные обиталища, устаревшие коммуникационные реле. Все разбитое и сломанное, неработающее и испорченное. Семьдесят лет копания и просеивания в поисках драгоценных металлов нанесли Луне глубокие раны. Шрамы от массивной выемки руды могут никогда не зажить.

Ариэль чувствует, как поезд, парящий на магнитах, слегка покачивается. Трансполярный экспресс снова отправляется в путь.

– Пятеро на борту, – говорит Дакота. – В пов-скафах и шлемах.

– Откуда ты знаешь?

– Я в системе поезда... – Дакота морщится. – Дерьмо. Они направляются напрямик к нашим бронированным местам.

– Как скоро они доберутся до нас?

– Три минуты до мест. И еще пять, чтобы обыскать дальнюю половину поезда. Если повезет. Или если они типовые дуболомы-джакару.

– Ты с ними справишься?

– До этого не дойдет. Что меня и раздражает.

Ариэль понимает, что барабанит пальцами по подлокотникам кресла. Она снова смотрит в иллюминатор. Поезд вошел в зеркальное поле вокруг Хэдли. Зеркала, похожие на сложенные чашей ладони, обращены к солнцу, ловят его свет и подносят солнечным кузням великой пирамиды, словно в жертву. Ариэль чувствует медленное торможение.

– Они в любую секунду поймут, что я делаю, – говорит Дакота.

– А что ты делаешь? – спрашивает Ариэль.

– Боги, они идут. Да где же он, мать твою?

Она проталкивается мимо Ариэль и выглядывает из иллюминатора. Поезд опускается на пути. Металлический скрежет, громкий лязг стыковочных устройств. Там, за шлюзом, что-то прикрепилось к поезду. Герметизация; системы запускают проверки.

– Они здесь, – говорит Ариэль.

Три женщины и двое мужчин плотным строем несутся по проходу. Крики и протесты пассажиров – один мужчина встает, но его жестким тычком в грудь отправляют назад в кресло. Пов-скафы, шлемы на поясе. Логотипы «Маккензи Металз» на плече и бедре. Внезапно в тамбуре загорается зеленый свет. Давление выровнялось. Двери открываются. Ариэль видит крошечный герметичный модуль: изношенное снаряжение, сломанные приборы, царапины на приборной доске, пятна на обивке.

– Я ни за что...

– Бросай кресло.

– Мне надо...

– Оставь кресло, мать твою! – Дакота хватается Ариэль за ладканы и швыряет в шлюз. Поворачивается, кидает кресло в атакующих, которые как раз появляются из двери тамбура, и ныряет в люк. Шлюз захлопывается, шипят насосы. Вместо зеленых огней загораются красные. Ариэль с трудом садится прямо на сиденье, что опоясывает модуль, и от внезапного рывка тотчас падает на бок. Вслед за серией толчков включается двигатель. Они убегают.

– Я реквизировала старый ровер с нашей металлургической исследовательской станции в Борозде Владимира, – объясняет Дакота. – Он чертовски долго сюда добирался. Чуть не попались.

– Ты могла мне что-нибудь сломать, – огрызается Ариэль. – И мое кресло...

– На хрен кресло! – кричит Дакота. – Мы сделаем тебе ноги. Мы же университет, черт подери, нам ничего не стоит соорудить гребаные ноги, руки и толстую кишку в придачу. Понятно?

В тишине герметичного модуля, такого маленького, что две женщины в нем точно два зернышка в стручке кардамона, Ариэль призывает Бейжафлор. Она далеко от сети, в зеркальном лабиринте Хэдли, но фамильяр связывается с ИИ ровера и демонстрирует ей мир за пределами лишенного окон пузыря. Куда бы она ни посмотрела, вокруг вздымаются зеркала. Теперь, среди опор, она понимает смысл земного слова «лес», но ее переполняет не страх замкнутого пространства, а ужасная агорафобия. Она зародыш в утробе, посреди свирепого вакуума, света, радиации, машинерии. Ровер прокладывает путь к спасению через лабиринт зеркал, подальше от маглев-путей и других отрядов джакару: он движется курсом северо-запад – тень – север. Низко на горизонте горит ослепительная звезда Хэдли.

– Прямо из-под носа у Дункана, – говорит Ариэль. – Он вычеркнет тебя из своего списка подарков в честь праздника лунного пирога.

– Да что вы, Корта, вечно цепляетесь к моей лояльности? – возмущается Дакота.

– Маккензи убили моих братьев, – без обиняков говорит Ариэль. – Маккензи отняли у меня ноги. – Она вжимается в обивку сиденья. – Куда ты меня везешь?

– Кратер Рождественский. Часов двадцать. Много времени, чтобы поупражняться в искусстве вести беседу. Или, если тебе не нравятся разговоры, – ты играешь в вари ¹⁹?

– Передай мне подгузник, – говорит Ариэль Корта. Дакота Каур Маккензи отцепляет устройство от блока регенерации и отворачивается, пока Ариэль задирает юбку, чтобы его надеть. Воздух густой и влажный, пахнет аммиаком. Тихо шумит престарелая система фильтрации.

«В ровере нет места для гордости», – сказала Дакота Маккензи, в первый раз передавая Ариэль эту штуку, чтобы та смогла помочиться.

«В моем положении быстро понимаешь, что для нее вообще нигде места нет», – парировала Ариэль.

Это было девятнадцать часов назад.

На протяжении первого часа они играли в вари, но Ариэль не увлеклась игрой, быстро потеряла интерес и попыталась мухлевать.

«А в чем смысл игры, если этого не делать?»

Второй час ушел на еду. Они растягивали каждый глоток и расхваливали пищу, как могли. Третий час пришлось посвятить выделительным процессам. На четвертый час они немного поговорили и погрузились в сон, нарушаемый лишь покачиванием ровера, который пробирался по усеянному камнями дну Моря Дождей. Еда, выделение, сон. Разговоры. Еда, выделение, сон. Разговоры. Ровер преодолел полюс и начал осторожно спускаться по северному краю Рождественского.

Еда, выделение, сон. Разговоры. Последнее лучше всего.

– Почему юриспруденция? – спрашивает Дакота.

– Каждый ребенок в семействе Корта проходит один ритуал, – говорит Ариэль. – Он случается во время темной Земли. Исключительно во время темной Земли. Ты выходишь на поверхность. Сам по себе, но не одинок. Есть голос. Он говорит: «Ступай за пределы света, дитя. Оставь позади страховочные тросы и запасы воздуха. Не бойся, я с тобой». Ты идешь, пока голос не прикажет остановиться. Потом он продолжает: «Посмотри вверх и скажи мне, что ты видишь». И ты говоришь: «Я вижу небо, звезды и Землю, погруженную во тьму». Голос продолжает: «Взгляни снова и скажи мне, что ты видишь». Правильный ответ, ответ Корты, звучит так: «Я вижу огни. Я вижу мириады огней на темной Земле». И тогда голос отвечает: «Мы зажигаем эти огни».

¹⁹ *Вари* – настольная логическая игра для двоих, распространенная в Гане.

Я поднялась на поверхность в десять лет, в маленьком жестком скафандре с наклейками в виде котят и дракончиков. И голос сказал мне: «Иди вперед». Я шла, пинала пыль, прислушивалась к собственному дыханию. «Скажи мне, что ты видишь», – велел голос. Я ответила: «Ничего не вижу». Голос: «Взгляни снова и скажи, что ты видишь». Ну, я и сказала: «Вижу мертвые камни и серый реголит, вижу горящий свет, вакуум и пустоту. Вижу тишину и скуку. Вижу ничто».

Неправильный ответ. Не ответ Корта. Лукас до сих пор убежден, что я предала семью ради гламура и денег. Захотела быть обласканной обществом. Нет: я увидела в точности то же, что и он сам. Он увидел огни, я – мертвый камень. Он увидел целый мир, где можно играть, строить, творить и ломать. А я не заметила ни разговоров, ни остроумия, ни драмы. Ни людей. Как в твоей игре: скажи, что в ней веселого?

– Ты говоришь про остроумие, драмы, других людей, – отвечает Дакота. – Но сама ни разу не была в длительных отношениях.

– Похоже, ты про меня много знаешь, гази.

– Я обязана знать своих клиентов.

– А, так я клиент? Звучит по-собственнически. Что от меня нужно университету?

– У нас есть давняя традиция академического убежища.

– Которое вы предоставили Луне и мне, когда я о нем попросила. И вы лечите Лукасиныю. Многовато Корта в одном полушарии. Это Луна, милочка. Никто ничего не делает даром. Вы разглядели возможность надавить на моего брата?

– Университет всегда был независим и от старой Корпорации, и от УЛА. Мы аполитичны.

– А Корты не играют в политику. Ну, до определенного момента.

Дакота откидывается на спинку сиденья.

– Полчаса до Рождественского, – говорит она.

Ариэль позволяет себе самую тонкую из адвокатских улыбок. Она пустила кровь.

– К вопросу о договорных обязательствах... А у тебя какая история, гази?

Дакота забирается на изогнутую скамью, скрестив ноги.

– Я изучала бионауку в университете. Писала кандидатскую и докторскую по редактированию генома человека. Я была великолепна. Лучшая в группе. Лучшая за годы. Скромность – убогая добродетель. Я вернулась на видимую сторону, чтобы работать посредником между «Горнилом» и Тве. Маккензи разрабатывали стратегию генной инженерии, чтобы стабилизировать генетическую линию.

– Евгеника, – говорит Ариэль. – Голубоглазые младенцы.

– Дело не только в этом, – возражает Дакота. – Я работала с АКА над созданием резервуара человеческого биоразнообразия. На случай, если в будущем мы столкнемся с генетической катастрофой. Это возможно. И даже вероятно. У нас маленькое население, даже с учетом миграции с Земли. А эпигенетические факторы ведут нас к делению на подвиды. Мы – новое человечество, если можно так выразиться. Но, по сути, да, голубоглазые белокурые младенцы. И когда я решила завести ребенка, обнаружила, что у меня есть изъян в гене MEN1, который увеличивает риск рака щитовидной железы, паращитовидной железы, гипофиза, надпочечников, кишечника и желудка.

– О, боги, – говорит Ариэль. – Генетик, исцелился сам.

– Я так и сделала, с помощью университета. Но пришлось заплатить: десять лет службы в качестве гази. К тому времени, когда я отслужу свой срок, Мелисса сама будет в коллоквиуме. А хочешь знать про самый интересный поворот в этой истории?

– Не бывает хороших историй без интересных поворотов, – соглашается Ариэль.

– Узнав об ошибке в гене MEN1, я первым делом отправилась к семье. Они в «Горниле» постоянно находились под воздействием радиации и разработали много методов для восстановления генетических повреждений. Но внезапно выяснилось, что Дакота Каур недоста-

точно Маккензи, чтобы ее лечить. Слишком карие глаза, слишком смуглая кожа. Вот почему, когда ты, твой брат или любой другой гребаный Корта насмехается над моей лояльностью, мне хочется засунуть вам дырн в задницу так, чтобы он вышел из горла.

– Прости, – говорит Ариэль. Снова попала, опять пустила кровь. Со временем она разыщет все уязвимые места этой гази. – Сколько еще до сетевого пузыря Рождественского?

– Около семи минут.

– Мне нужны университетские привилегии и зашифрованный личный сервер.

– Я не твой личный ассистент, – огрызается Дакота Каур Маккензи.

Ариэль продолжает, словно гази ничего не сказала.

– И правовая библиотека. У вас же есть юридический факультет? Мне надо как можно скорее встретиться с Абеной Маану Асамоа. Лицом к лицу. В безопасном месте. Забронируй ей билеты и найди достойное жилье. Заложники вроде меня могут ютиться где угодно, но для команды юристов у меня есть определенные стандарты.

– Для этого придется запросить разрешение... – начинает Дакота Каур, но идеи в голове Ариэль вспыхивают и искрятся, словно пыль в зловонной атмосфере ровера. Адвокатесса давным-давно познала эту радость: в момент открытия новых возможностей вокруг загораются яркие звезды, она тянется к ним, и от движения рук те образуют доселе неведомые, блистающие созвездия. У нее появился план.

– Я тебе все объясню как маленькому ребенку, простыми и ясными словами, никакой специальной терминологии, чтобы ты поняла, что я пытаюсь сделать, – и, поскольку ты поймешь, окажешь мне всяческую помощь.

Я пытаюсь сделать так, чтобы Лукасинью Корта – сын Лукаса, мой племянник – остался жив и невредим. Ему девятнадцать, и по закону он свободный человек с той поры, как в двенадцатилетнем возрасте заключил с Лукасом договор о родительской опеке и агентский договор. Уж я-то знаю, что в них было, я их составила. Однако он получил серьезные неврологические повреждения из-за кислородного голодания, а это значит, что он не способен действовать в защиту собственных интересов, поэтому кто-то должен взять на себя договорные обязательства заботиться о нем. Его мать, Аманда Сунь, и Лукас

расторгли свой никах два года назад. Одно из лучших моих достижений за всю жизнь. Если Дворец Вечного света получит опеку над Лукасинью, Лукас фактически превратится в их заложника. Если Лукас выбьет опеку, единственный способ, которым он может обеспечить безопасность Лукасинью, – держать его под личной защитой. Это значит, он перевезет Лукасинью в Меридиан, лишив тем самым медицинского ухода, либо перенесет УЛА на темную сторону Луны. Как благотворно это повлияет на вашу легендарную «независимость»...

Я не могу взять его на себя. Мои отношения с Лукасом и без того подверглись испытанию, когда я отказалась представлять его в Суде Клавия. Не хочу, чтобы в его маленькой параноидальной башке всплыло слово «сестроубийство». Значит, остался один кандидат, и она уже доказала, что может заботиться о Лукасинью. И она неприкосновенна. Но надо действовать быстро и доставить документы в Суд Клавия одновременно с Лукасом и Амандой Сунь.

И с этим понадобится помощь. Ты поможешь?

– Ты все-таки настоящая дрянь, – говорит Дакота Каур Маккензи. – Спасти парня? Как же я могу сказать «нет»?

– Еще кое-что.

– У тебя всегда будет «еще кое-что», верно?

– Насчет ног, которые ты пообещала? Что можно сделать до того, как мы покинем Рождественский?

* * *

В своем новом любимом платье Луна Корта прижимается ладонями к стеклянной стене гондолы и выглядывает наружу. Старое розовое скаф-трико бросили в утилизатор и переделали. Окно читает намерения Луны и приглушает внутреннее освещение, но за миг до этого она видит свое отражение: полулицо, парящее над частично затененными холмами и невысокими кратерами Кориолиса. Она утыкается лбом в стекло.

– Луна, – с упреком говорит Элис.

Мадринья не доверяет стеклу, не доверяет этой вагонетке, не доверяет кабелю, по которому та движется из медицинского центра в западной части Кориолиса. Не доверяет вообще ничему из старых грохочущих университетских механизмов. И это одна из причин, по которым Луна делает все наоборот. Ей нравятся старые купола и обиталища, врезанные в кратеры и горные склоны, безумные трамвайные линии и гиперлупы, канатные дороги и фуникулеры. Все это напоминает ей о туннелях, пещерах и тайных ходах Боа-Виста.

– Каким путем приедет поезд тиа Ариэль?

Первая Экваториальная – полоса яркого света на сером дне кратера. За западным краем Кориолиса армады лунных бульдозеров застыли в ожидании, пока университет и «Тайян» разберутся в Суде Клавия, имеет ли последний право расширять Солнечный пояс через кратер, тянуть его по всей обратной стороне Луны.

– С востока, – говорит мадринья Элис. – С другой стороны.

Луна знает, что надо быть очень-очень глазастым, чтобы заметить поезд ВТО, даже когда он замедляется на подъезде к станции Кориолис. Луна-фамильяр может сообщить время и направление, но стоит моргнуть, чихнуть – и она все пропустит.

Вспышка. Такая быстрая, что дух захватывает.

– Вот он! Я его вижу, вижу!

– Гляди, анжинью, – говорит мадринья Элис. Небо над Кориолисом заполнено движущимися огнями, похожими на десятки праздничных фонарей, и все они сходятся с изящным отсутствием спешки. Вагончики канатных дорог едут из множества обиталищ Кориолиса, спускаются по тросам к вокзалу. Приближается поезд, и люди торопятся его встретить. Потом ИИ объявляет о скором прибытии, и вагончик Луны входит в док.

Девочка бежит навстречу открывающимся дверям. Мадринья Элис кричит, но ее подопечная уже в коридоре, уже одолела лестничный пролет. Один пролет, два, три, четыре. Луна берет их целиком, радостно прыгает не замедляясь, приземляется и сразу взмывает, чтобы перелететь еще один. Новое любимое платье развевается вокруг нее. Оно без рукавов, с овальным вырезом, высокой талией и широкой юбкой, напечатано в пыльно-сером цвете из такой легкой и мягкой ткани, что кажется пеплом на коже.

«Вагон номер 12», – сообщает Луна-фамильяр. Поезд за бронированным стеклом – нечто огромное и мощное. На платформе суетится толпа: люди прибывают, уезжают, здороваются и прощаются.

«Луна!» – зовет через сеть мадринья Элис, но шлюз открывается, и выходит гази Дакота в своих великолепных ботинках, а за ней – ох, в двух шагах за ней Ариэль. Ариэль идет! Ариэль идет к девочке, которая бросается к своей тиа.

– Ох, анжинью, – говорит Ариэль и подхватывает Луну на руки, как в старые добрые времена, когда приезжала в Боа-Виста после долгого отсутствия. – *Oh meu amorzinho. Você é bonita.*²⁰ – Луна прижимается к ней, Ариэль просовывает под нее руку, приподнимает. – Ты стала тяжелая. – Корта говорят то, что думают. Но она не опускает Луну.

²⁰ «О, моя дорогая. Ты красавица» (*порт.*).

– У тебя новые ноги, – говорит Луна, пока Ариэль идет по платформе к ожидающей мадринье Элис.

– Старые, – возражает Ариэль. – Но в Рождественском мне поставили одну новую штуку: что-то вроде моста между теми частями моего позвоночника, которые не работают. Лучше, чем те старые страшные ноги, верно? Но у тебя-то новое лицо!

– Отпусти меня, отпусти! – вдруг требует Луна.

– Что такое, анжинью?

– Не хочу, чтобы мадринья Элис видела, – шепчет племянница, бросив взгляд через плечо. – Наклонись, будто хочешь меня поцеловать.

Потом Луна бросает заговорщический взгляд на Дакоту, которая стоит в двух шагах позади своей подопечной. «Скажешь что-нибудь, и я тебя убью – гази ты или нет».

– Подойди ближе, – шепчет девочка. Поцелуй, прикосновение щек. Луна лезет в потайной карман в новом любимом платье. Карман и есть причина, по которой это ее новая любимая одежда. В скаф-трико ничего не спрятать. А в складках мягкой серой ткани – пожалуйста. Она тайком вынимает нож и вкладывает в руку Ариэли. Тетя сопротивляется, племянница настаивает.

– Возьми его. Он для Корта, который смел, великодушен, лишен алчности и трусости, будет сражаться за семью и отважно ее защитит. Если ты будешь сражаться за Лукасинью, тебе понадобится нож.

– Луна, сражаться буду не я, – говорит Ариэль. – А ты.

Проходят еще три дня. Этого достаточно, чтобы придумать ритуал. После паркура Робсон Корта идет в баню, отмокает там, чтобы смыть пот и выпарить из костей ноющую боль, потом встречается с Хайдером в «Эль гато энкантадо», чтобы выпить орчаты. В Теофиле пятнадцать кафешек, и Робсон позаботился о том, чтобы отвести Хайдера в каждую, ознакомиться с напитками (горячими и холодными), едой (пряной и сладкой), клиентурой (молодой и старой) и общей атмосферой. Они вели подсчет, фотографировали, составляли таблицы. Решение важное. Поскольку оба, судя по всему, застряли в Теофиле надолго – ошибиться нельзя.

«Эль гато энкантадо» на третьем уровне возле северного наружного шлюза не может похвастать хорошими результатами по еде или напиткам, но атмосфера здесь – высший балл: старая нора с нишами и уголками, устроенная в северной стене древнего кратера, с грубым газоплотнением и укромными местечками, где можно скрыться и не спеша наблюдать за происходящим вокруг так, чтобы тебя никто не увидел, а по клиентуре это местечко и вовсе номер один. Они тут единственные из молодежи.

– Это все, да? – говорит Цзяньюй за стойкой.

Робсону тут нравится. Население Теофила – три тысячи двести человек. Из них сто двадцать младше шестнадцати лет, и тринадцать – сверстники Робсона. Все до единого его ненавидят. Он это понял в ту же секунду, как вошел в коллоквиум седьмого года «Розовый кварц» и все повернулись к нему. Он ненавидел искренние уговоры наставников принять новенького, обойтись с ним по-хорошему, позволить влиться в компанию. Ему хотелось сказать: не тратьте зря время. Эти говнюки из западного Моря Нектаров попытаются меня прикончить, как только вы отвернетесь.

Они подстерегли его на Седьмом. Большой ублюдок, его «сержанты», парни, которые очень хотели влиться в компанию, и пара девочек, чтобы записывать все для сети. Новичок. Чужак. Пришелец. Кто таков? Корта! Мы пришли сказать тебе, что ты ничто. Они были крупными, сильными, но им не хватало проворства и мозгов. Робсон увернулся и очутился на два уровня выше, когда здоровяк Эмиль только восстановил равновесие. Они ухали и издевались, пока он бежал по трубе в десяти метрах над их головами. Когда он вернулся в квартиру, буфер уведомлений Джокера был забит сообщениями, полными ненависти.

«Хочешь, чтобы я всех заблокировал?»

– Блокируй.

После этого правила были ясны. Робсона никто не беспокоил, пока он выполнял свою часть общественного договора, играя роль аутсайдера.

Другой коллоквиум – те же правила. Хайдер был в «Долерите», другом коллоквиуме Теофила, а приехал он из Ипатии с опекунами Максом и Арджуном. У Хайдера не было имени, он не падал с вершины города и не имел репутации, которую кто-то захотел бы испортить. И проворным он точно не был. Прошло уже шесть дней, а он все еще замазывал синяки тональником. В «Долерите» нравы круче. Он смирился с ролью отщепенца, но изгоем не стал. Этот пост в Теофиле, среди ста двенадцати юнцов, был уже занят. Путь казался простым и понятным. Хайдер отследил посты, полные ненависти, и отыскал Робсона Корту.

Они сидят в своей кабинке в «Эль гато энкантадо», на высоковатых сиденьях, потягивают орчату. Они такие разные.

Робсон – коричневый, жилистый, уверенный в себе; любит спорт и движение, точно знает, на что способно его тело.

Хайдер – бледный, робкий; любит истории и музыку, возможностей своего тела не знает и не понимает, что с ним происходит.

Они не разлей вода.

Цзяньйуй подводит к кабинке женщину в запыленной рабочей одежде.

– Покажи ей ту штуку, – он указывает на Робсона.

– Какую штуку?

– С картами.

По «Эль гато энкантадо» быстро прошел слух, что парень с крутым причесом умеет еще и показывать карточные фокусы. Робсон достает из кармана шорт половину колоды, тасует одной рукой. Обычно этого достаточно, чтобы произвести впечатление, но Цзяньйуй кивает: давай еще. Робсон приноровился показывать фокусы с половиной колоды. Другую он отдал другу, в другом городе – городе, которого больше не существует: он превратился в шлак в пыли Океана Бурь. В другой жизни, которой больше нет, – рубаки изрезали ее клинками на мелкие кусочки.

Он покажет простой фокус с силой тяжести. Быстрый, ловкий и неизменно вводящий в заблуждение зрителей. Продемонстрируй колоду, переверни, обрати внимание на карту – «тяжелую» карту – и несколько раз сними. Перемести «тяжелую» карту в нижнюю часть колоды. Выровняй. Он вкладывает «тяжелую» карту под верхнюю, разворачивает колоду веером. Сила тяжести делает так, что «тяжелая» карта оказывается внизу.

Это дело двух, может, трех секунд. Трюк в трюке готов. Все прочее – подача: представление, болтовня, маскировка. Трюковый трюк трюкачества состоит в том, что жертва всегда смотрит не туда, куда надо.

– Ладно, теперь прикоснись к карте. Любой, какой захочешь.

Колода Робсона выглядит неряшливо, уголки обтрепались, и наблюдается перевес в сторону карточной аристократии: много старшей масти, бубновой и червовой. Так ему повезло при разделении. Дариусу Маккензи, где бы он ни находился, достались младшие трефы.

– А теперь я покажу тебе эту карту, – не переставая болтать, Робсон делит колоду, выравнивает две половинки и подсовывает «тяжелую» карту под выбранную. Показывает пылевичке половину колоды с «тяжелой» картой внизу. – Посмотри на эту карту пять секунд. Мне надо, чтобы ты смотрела пять секунд, потому что за это время карта отпечатывается на сетчатке глаза. А я собираюсь считать ее именно с сетчатки. Готова?

Может, эта женщина – закаленный вакуумом, загорелый от радиации ветеран, но она кивает, неуверенно и нервно. Все это – часть трюка: подача. Робсон опять собирает колоду и смотрит ей в глаза. Раз, два, три, четыре, пять.

– Я читаю по твоим глазам: это бубновая королева, – говорит он.

Разумеется, бубновая королева.

– Разве это не круть? – говорит Цзяньюй. – Ну, круть же, правда?

– Как ты это делаешь? – спрашивает пылевичка.

– Первое правило магии, – отвечает Хайдер, – никогда не спрашивай фокусника, в чем суть его трюка.

Пылевичка присылает им две орчаты и печенье. Два друга едят, пьют и болтают неуклюжими тощими ногами.

Глава седьмая

Алексия никогда раньше не видела заббалина. И вот перед ее дверью стоит отряд, и одна из них, молодая женщина в мешковатых шортах цвета хаки, тяжелых ботинках и майке без рукавов, вскидывает руку.

– Тебе туда нельзя.

– Это моя квартира.

У заббалинки копна дредов, лент и бус, вплетенных между локонами, убранных с лица и скрепленных заколкой. Тонкие браслеты на руках, бусы – все покачивается туда-сюда. Фамильяр – череп, усыпанный драгоценными камнями.

– Там небезопасно, амига. Там зараза.

– Чего? – изумленно переспрашивает Алексия, а потом еще один заббалин – по-лунному высокий юноша в таком же разбойничьем наряде – появляется в дверях, ведущих на ее балкон, катя перед собой тележку с электродвигателем. Его фамильяр – череп, утыканный длинными шипами.

– Теперь все чисто.

– Какого хрена вы делали в моей квартире... – начинает Алексия и внезапно видит, что лежит в тележке. Птички, сотни птичек, жестких и твердых как пули. С ярким зелено-золотым оперением, с красными пятнышками.

– Вы убили попугаев! – кричит Алексия.

Отряд из четверых заббалинов искренне не понимает, в чем проблема.

– Таковы правила, сеньора, – говорит парень с тележкой.

– Неконтролируемое присвоение ресурсов, – уточняет заббалинка с дредами.

– На нас давили, велели с этим делом покончить, – признается третий, очень темнокожий, неопределенного пола, с искусственными шрамами вдоль рук и под глазами. Его фамильяр – пламенеющий череп.

Наверное, заббалины просто любят черепа.

– Пожалуйста, отойдите, – просит четвертый заббалин – средних лет, с выбеленными радиацией проплешинами в рыжей шевелюре и черными пятнами свежих меланом посреди россыпи веснушек. Он открывает титановый контейнер. Комнату окутывает туман, который затем сгущается. Дымок клубится над его головой и вливается в контейнер. – У нас у всех есть иммунные коды, но время от времени происходит программный сбой. Убить не убьет, но зашибись как больно. – Он закрывает крышку над бурлящей и шипящей черной жидкостью. Это не дым. Это боты. Заббалины выследили попугаев с помощью тысячи дронов-охотников размером с мошек.

– Счастливого вам дня, сеньора, – говорит девушка с дредами. Заббалины весело уходят по улице.

– Птички! – кричит Алексия, оставшись в одиночестве в своей квартирке. – Птички!

Она находит в холодильнике подпорченные фрукты и выставляет на балкон. Сидит и пьет чай, не сводя глаз с переспелой гуавы. Но среди контрфорсов не мелькает яркий цвет, краем глаза она не замечает трепыхания крыльев, и в воздухе не слышен щебет.

– Ублюдки, – говорит Алексия Корта.

Кое-что Алексия заимствует у заббалинов: их стиль. Принтер выплевывает новые вещи в лоток. Как здорово скинуть с себя все эти вычурные и тесные шмотки в стиле 1940-х, которые она вынуждена носить, будучи Железной Рукой. Шорты, ботинки, майка, не слишком облегаящая. Такое она носила дома, когда была Королевой Труб.

А еще это прекрасная маскировка.

«УЛА выпустила рекомендацию не подниматься выше семидесятого уровня», – говорит Манинью, пока Алексия ждет, когда все пассажиры выйдут из лифта. На нее косятся, когда она входит в кабину. Стиль заббалинов. Сегодня таращатся – завтра сами начнут так одеваться.

Поди разбери, как рождается мода.

«Там не все в порядке с безопасностью».

Сорок второй уровень. Пассажиры выходят, заходит поменьше народа. Двери закрываются.

«В последнее время ситуация в Байрру-Алту ухудшилась. Участились случаи воровства воды и трафика, а также взломы общественных принтеров».

Алексия не знает, что случилось с задыхающимся человеком, который в этом самом лифте умолял ее о воздухе, но он приходит к ней во сне: тянет руку, и ее зажимает дверьми, что-то говорит на последнем дыхании, но она не может разобрать ни слова.

«Прости, я новенькая и не знаю, как это делается», – сказала она.

«Не стоишь даже воздуха, которым мы дышим», – прохрипел он.

Она не поняла, что он имел в виду. Теперь ей предстоит это выяснить.

Шестьдесят пятый уровень.

«Алексия, настоятельно рекомендую этого не делать, – говорит Манинью. – Я могу нанять частную охрану».

Выше шестьдесят восьмого уровня она остается единственной пассажиркой.

Семьдесят пятый. Под ногами звякает сетчатый настил. Привлеченная этим звуком, она смотрит вниз. Алексия выросла на крышах, балконах и строительных платформах, но от вида пропасти под подошвами ботинок захватывает дух. От силовых кабелей до следующего перекрытия – добрых полкилометра. Она вскидывает руку, чтобы не упасть. Держаться не за что.

Не смотреть вниз. Ни в коем случае не смотреть вниз.

Алексия добирается до лестницы, вьющейся спиралью вокруг журчащего магистрального водопровода; положив ладони на трубу, она слышит знакомую песнь движущейся жидкости, а потом поднимается на три пролета к маленькой наблюдательной вышке.

И смотрит наружу.

У нее даже не перехватывает дыхание, лишь вылетает вздох чистейшего потрясения.

Она видит Меридиан таким, каким ни разу не видела. Хаб – колоссальный цилиндр, пересеченный во всех направлениях мостами, мостиками и канатными дорогами. Кабины лифтов бегают вверх-вниз по изогнутым стенам этого цилиндра; «лунная петля» превосходит всех. Алексия наблюдает, как светящаяся пассажирская капсула поднимается от станции нижнего уровня к шлюзу. За первым воздушным шлюзом – двести метров защитной скалы и второй шлюз, ведущий к пусковой башне Меридиана. Она глубоко под поверхностью Луны.

От того места, где находится бразильянка, исходят три главных проспекта: каждый – ось одной из квадр Меридиана. Алексии они кажутся не бульварами, но каньонами, глубже любых на Земле. Куда ни кинь взгляд, пространство заполнено огнями и туманом из-за пыли. Проспект Кондаковой простирается впереди, а вдали виднеются еще четыре проспекта квадры Ориона, которые начинаются от ее собственного центра. Деревья, растущие вдоль этих огромных улиц, выше любых тропических исполинов, какие ей случалось видеть, но с такой высоты они напоминают пыльцевые зерна. Справа квадр Антареса погружается во тьму, далеко слева в квадре Водолея занимается заря. У Алексии впервые появляется возможность оценить устройство Меридиана целиком: три пятиконечные звезды, соединенные в центре. Меридиан – край каньонов, одно из чудес Солнечной системы.

Так близко к вершине мира иллюзия небосвода разрушается. С нижнего уровня, со своего балкона, даже с высоты офиса УЛА Алексия может поверить, что находится под настоящим небом, иногда ясным, иногда – затянутым облаками. Она слыхала, что здесь время от времени идет дождь, чтобы очистить воздух от пыли. Хотелось бы ей на это поглядеть. Это

был бы подвиг гидротехники. Со своего наблюдательного поста она видит зазоры между панелями, текстуру «световых клеток», которые проецируют иллюзию небес. Да, у мира в самом деле есть крыша.

Подняв голову и прикрыв глаза рукой, Алексия видит трущобы. Кубики из пенопластовых панелей, пристроенные к воздуховоду. Палатки – брезент и украденный упаковочный материал провисают на растяжках из кабелей. Павильоны из пластиковых поддонов кропотливо втиснуты в зазоры между промышленными постройками. Биваки, шалаши, лачуги. Чем дольше Алексия смотрит, тем сильнее ей открывается Байрру-Алту: каждая щель и каждый уголок высокого города заполнены импровизированными жилищами. Ей приходят в голову мысли о насекомых и колибри, которые выют гнезда на окраинах людского мира.

Она думает про фавелы старого Рио. Сиаде-ди-Деус, Мангейра, Комплексо-до-Алеман, Большая Росинья. Решение первичной потребности человека в убежище.

Теперь в Рио повсюду фавелы.

Когда Алексия видит Меридиан целиком, она понимает – это нечто гораздо большее, чем пространство, которое он занимает. Улицы и жилые кварталы уходят в глубь скалы, городская инфраструктура вгрызается еще дальше: трубопроводы и служебные переходы, туннели и каналы, кабельные трассы и вспомогательные системы кроются в каменной тьме. Удаленные электростанции, поверхностные солнечные и коммуникационные решетки, провода – словно корни, которые тянутся на сотни километров. Она видит истинный облик Меридиана: он машина. Машина, которая живет, а люди суетятся в промежутках между ее компонентами.

Она поднимается выше. Два уровня вверх – и каждая труба, опора и балка оказываются увешаны чем-то вроде серебристой паутины. Алексия касается одной – и чувствует влагу. Пластиковая сеть блестит от росы.

Ловушки для конденсата. Королева Труб в силах оценить хитроумный замысел. Она и не знала, что в Меридиане есть облачный слой.

– Неконтролируемое присвоение ресурсов, – говорит она вслух.

«Да, вопиющее», – соглашается Маниню. Алексия узнала уже через пару минут после того, как ей установили линзу и подключили к сети, что у фамильяров нет ни малейшего понятия об иронии.

– Я тебя выключу, Маниню, – перебивает Алексия. Она увидела лицо, женское лицо. Короткий неприветливый взгляд – затем незнакомка исчезла в тени между машинами. Наверное, за чужачкой наблюдали с того момента, как она вышла из лифта. Возможно, наблюдателей десятки: они притаились среди теней и следят. И еще много кто пристроился на балках, лестничных клетках, в укромных уголках.

Это не ее город.

Движение. Вон там. Кто-то перебежал через лестничный пролет наверху.

Алексия поворачивается, чтобы вернуться к лифту. Внизу на ступеньках – люди. Она поворачивается опять. Но и там ее ждут.

Женщины и мужчины всех возрастов, включая детей. Пестрая мешанина стилей: нынешние 1940-е, уходящие 1980-е, вот тебе блуза в стиле 2020-х, вот леггинсы и толстовка а-ля 2050-е – все зависит от того, какой была мода в тот момент, когда им пришлось переселиться в Байрру-Алту. Ни у кого нет фамильяров.

– Неконтролируемое присвоение ресурсов, – говорит детский голос.

Они подходят ближе.

Алексия никогда так не боялась, даже когда Гулартес объявили войну Королеве Труб, напав на Кайо. И тут ей приходит в голову идея.

– Я инженер-гидротехник! – кричит она. – Я могу показать, как получать из ловушек на двадцать процентов больше воды. И как построить систему распределения и очистки!

– Не знаю, как вы, ребята, а я не прочь на это поглядеть, – раздается голос сверху. Австралийский акцент. Двумя пролетами выше над перилами появляется голова. – За такое мы были бы благодарны на веки вечные. – Молодой мужчина, белый, темноглазый и скуластый, с копной черных выющихся волос. Кувыркнувшись через перила и пролетев пять метров, он грациозно приземляется перед Алексией. На нем брюки в складку, закатанные до лодыжек, и белая рубашка с рукавами, закатанными до локтей. Носков нет. Под высоким поясом Алексия угадывает очертания ножен. – Ты дала хороший ответ. Ответ, который спас тебе жизнь. – Он присаживается на ступеньку и разглядывает гостью. Алексия замечает, что мизинец на левой руке обрублен. – Как и твой наряд. Видишь ли, мои приятели судят по одежке, но я предпочитаю заглядывать под нее. Ты одета как заббалинка. Мне не нравятся заббалины. Моим приятелям не нравятся заббалины. Но у тебя нет заббалиновского фамильяра. У тебя вообще его нет. И это интересно. А еще, судя по физической форме, ты Джо Лунница. Заббалины не нанимают Лунников. Сколько ты здесь уже, Джо? Два-три месяца?

– Два.

– Два месяца, и тут мой внутренний голос подсказывает: УЛА. А мои приятели, они недолюбливают заббалинов, но УЛА всерьез ненавидят. Однако то, что ты приперлась сюда без охраны, – тупость или кое-что интересное. – Мужчина кладет руки ладонями на колени. – Я даю тебе возможность поторговаться за свою жизнь здесь и сейчас.

Он загнал ее в угол. Ей нечем защищаться. Он все правильно про нее понял. Спасти ее могут только идиотизм или честность.

– Я работаю на УЛА, – говорит Алексия. По толпе изгоев, что окружает ее кольцом, прокатывается ропот. Австралиец поднимает палец, и наступает тишина. – Я ехала в лифте и увидела человека, который перестал дышать. Он попросил меня о помощи, умолял дать ему воздуха и выделить кредит. Я не знала, как это делается. Я ничего не могла сделать. И бросила его. – Опять сердитое ворчанье. – А сегодня я увидела, как заббалины убили всех попугаев на моей улице. Один из них сказал эту фразу: «Неконтролируемое присвоение ресурсов». Я хотела разобраться. Ну, и поехала на лифте туда же, куда и человек, который не мог дышать.

– А что ты собиралась предпринять, УЛА? – спрашивает австралиец.

– Осмотреться. Попытаться понять. И исправить кое-что, если я правильно догадалась, что именно здесь происходит.

– И что же, по-твоему, здесь происходит?

– Я думаю, УЛА систематически обращает взыскание на нежизнеспособные счета.

– Обращает взыскание? – переспрашивает австралиец.

– Ликвидирует экономически нежизнеспособных.

Гневный гул.

– Ликвидирует?

– Убивает.

– Экономически нежизнеспособных?

– Людей. Вас.

– Интересная теория, – говорит австралиец. – И еще она верная.

– Это... – начинает Алексия.

– Не только в Меридиане. Повсюду. В Царице, Святой Ольге. На всей видимой стороне. Платить не можешь? Дышать не будешь. Раньше заббалины нас не трогали, а теперь они рушат наши хампы, ломают водосборники, выдирают баки, последний сраный вдох выдавливают из легких.

Австралиец взмахом руки приказывает жителям Байрру сесть. Алексия остается стоять, словно актриса на сцене или проситель перед судьей.

– Ты сказала, что можешь помочь нам с водоснабжением, УЛА. Это правда?

– Я же сказала, что могу.

– Следующий вопрос. А поможешь?

– У меня есть выбор?

– Как тебя зовут, УЛА?

– Ле.

Алексия страшится лжи, но еще сильнее – излишней правды.

– Ле. Похоже на вымышленное имя, – говорит австралиец. – Апелидо, прозвище. Меня называют Валетом Клинков.

Есть время для осторожности, а есть – для небрежности.

– Звучит чертовски нелепо, – говорит Алексия. Жители Байрру возмущенно ахают. Австралиец устремляет на Алексию взгляд обсидианово-черных глаз. Потом начинает смеяться. Он хохочет долго и от души. Местные по подсказке смеются вместе с ним. Алексия замечает у австралийца золотой зуб.

– Да, это чертовски нелепо, но льстит моему чрезмерно раздутому самомнению. Если для тебя это важно, я сам не выбирал прозвище. Ты бразильянка, Ле, – а конкретнее?

– Кариока, – говорит Алексия.

– У меня с кариоками сложные отношения. Но тут у нас есть кариоки – и другие бразильцы, а также ганцы, нигерийцы, малайцы, новозеландцы, немцы, непальцы, арабы. Все нации Земли. Итак, Ле: инженер-гидротехник, чиновница УЛА. Ничего себе карьерный рост.

– До того как попасть на Луну, я была Королевой Труб в Барра-да-Тижук, – говорит Алексия, и к концу фразы они уже слушают ее, не отрываясь.

У бабушки Сеноны был талант очаровывать слушателей рассказами: успокаивать детей, заканчивать споры, коротать время при свете ламп в ожидании, пока включится электричество. Истории – сильный наркотик. Алексия не волнуется, что теперь она единственная, кто стоит. Раньше она была обвиняемой – теперь стала актрисой.

Она переносит свою аудиторию в другой мир, в город под открытым небом, и знакомит со своей семьей, живущей в башне у океана. Представляет всех, на три поколения назад. Называет святых покровителей, прозвища. Фамилию Корты, конечно, не произносит. Она рассказывает, как дедушка Луис взял ее на крышу Океанской башни и показал темную Луну. «Прищурь глаза, дитя, – сказал он. – Приглядишься. Посмотри как следует – что ты видишь?» – «Огни!»

Она рассказывает о том, как нашла течь в углу окна своей спальни и проследила за каплями до пола, чтобы там собрать их в стакан, потом в банку, потом в тазик, а затем ей пришлось в голову, что нужно мыслить в долгосрочной перспективе, и она построила небольшой трубопровод из соломинок для питья, чтобы довести воду до сливного отверстия в ванной. Она рассказывает, как обнаружила, что можно заставить воду недолго течь вверх, если источник находится выше устья, и о том, как сидела и смотрела на капли, которые набухали и падали в воронку; как следила за пульсирующим движением воды по лабиринту, полосатому, будто леденцовая трость.

«Почему у нас нет хорошей воды?» – спросила она у мамы.

«У людей вроде нас ее никогда не бывает».

За год до смерти дедушка Луис снова вывел ее на крышу и сказал: «Я отдам тебе наследство, если ты скажешь, зачем оно тебе нужно».

«Я хочу стать инженером-гидротехником», – сказала Алексия.

Дедушка Луис отдал не только ее долю, но и часть долей брата и сестры, Марисы и маленького Кайо.

«Пусть у тебя все получится».

По ночам она изучала водоснабжение и канализацию в CEFET²¹. Днем училась у Наймер Фонсеки, в сантехнической мастерской в Барре, где работали только женщины. На следующий

²¹ Федеральный центр технического образования Минас-Жерайс (порт. Centro Federal de Educação Tecnológica de Minas

день после выпуска она украла двести метров труб с территории закрытого анклава в Марапенди и поменяла водопроводную систему не только в квартире семьи, но и во всей верхней половине Океанской башни.

– Там каждый все обустроил на свой лад, – говорит она. – Каждый был сам за себя. Я создала систему, которая работала для всех. Сделала так, что все стало лучше.

Мудрость и смелые шаги – в водоснабжении есть толк, только если вода чистая; воровать воду у FIAM надо так, чтобы никто ничего не заметил; рекламировать свои услуги по всей Барре под носом конкурентов – так, чтобы те не сняли с нее скальп. К моменту, когда слушатели начинают вместе с Алексией гордиться тем, что кто-то назвал ее Королевой Труб, она уже сидит на одну ступеньку ниже Валета.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.